

УДК 378(470.23)

**СТИПЕНДИАТЫ РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ В ЕВРОПЕ
В 1800–1810-х ГОДАХ (ПО ПИСЬМАМ И ДНЕВНИКАМ)*****Т. Н. Жуковская***

Автор статьи на основе архивных материалов и мемуарной литературы представляет историю командировок в зарубежные университетские центры студентов и выпускников Петербургского педагогического института накануне и после Отечественной войны 1812 года. В связи с образовательной реформой Александра I молодые российские университеты должны были сформировать собственные профессорские кадры на смену приезжим иностранцам. Посылка выпускников университетов за границу для подготовки к профессуре распространилась и на Петербургский педагогический институт, который учреждался в 1804 г. как отделение будущего университета. Подробно описаны наставления профессоров института командируемым кандидатам, которые содержат обширные сведения об уровне преподавания научных дисциплин в университетах Европы, опыт которых был важен для российской высшей школы. В статье рассматриваются два эпизода из истории «академических путешествий» русских студентов: обучение 12-ти профессорантов Петербургского педагогического института в университетах Германии, Австрии, Англии, Франции в 1808–1811 гг. и командировка студентов педагогического института в Англию в 1816–1819 гг. для знакомства с теорией и практикой взаимного обучения по методу Дж. Ланкастера. Последний опыт был необходим для распространения начальных училищ, что оставалось самым слабым звеном образовательной реформы Александра I. Сохранившаяся переписка командированных русских студентов с конференцией педагогического института, министром народного просвещения и другие источники позволяют реконструировать обстоятельства их перемещения по Европе, систему научной подготовки и научной коммуникации начала XIX в., особенности повседневной жизни русских студентов за границей, восприятие ими национальных и культурных особенностей западноевропейских стран. Приведены обширные цитаты из архивных документов, которые наглядно демонстрируют самые разнообразные стороны командировок: маршруты поездок, сложности, с которыми сталкивались россияне за рубежом, систему финансирования. Приведенные материалы обстоятельно описывают механизм кураторства поездками со стороны Министерства народного просвещения и Министерства иностранных дел, а также заинтересованность и компетентность императора Александра I в подготовке кадров для высшей педагогической школы.

Ключевые слова: история Санкт-Петербургского университета, подготовка профессоров, заграничные стажировки в 1800–1810-х гг., система научных коммуникаций, восприятие европейской науки и культуры.

Благодарности: статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 16-0600528: «Петербургская историческая школа XVIII – начало XX в.): биографическая база данных и информационный ресурс».

Для цитирования: Жуковская Т. Н. Стипендиаты российских университетов в Европе в 1800–1810-х годах (по письмам и дневникам) // Запад – Восток. 2016. № 9. С. 59–95.

Система завершения академической подготовки русских студентов за границей за государственный счет сложилась еще в 1730–1770-х гг. в университете,

действовавшем при Академии наук. Московский университет также следовал этой практике [1]. «Академическое путешествие» в Европу (*peregrinatio academica*) для казенных студентов представляло собой хорошо спланированную и организованную подготовку по программе, заранее определенной Академией наук или университетом, финансируемую государством, с перспективой возвращения в Россию и занятия профессорских кафедр, ученых должностей или, в случае с правоведами, административных. При этом немалое количество сыновей аристократов в последней трети XVIII – начале XIX в. учились за границей сами по себе, за счет родителей, достаточно назвать имена П. М. Дашкова, братьев Андрея, Александра, Николая и Сергея Тургеневых, А. И. Михайловского-Данилевского, видных сановников: Н. Н. Новосильцева, А. А. Чарторыйского, С. С. Уварова и др.

В связи с образовательной реформой, предпринятой в первое десятилетие царствования Александра I, молодые российские университеты должны были в ближайшей перспективе сформировать собственные профессорские кадры на смену приезжим иностранцам. Посылка выпускников университетов за границу для подготовки к профессуре стала в эти годы систематической, распространилась она и на Петербургский педагогический институт, который учреждался в 1804 г. как отделение будущего университета, а на деле стал основной кузницей педагогических кадров как для губернских гимназий, так и для университетов.

Рассматриваемые в статье эпизоды известны в общих чертах историкам российской науки и образования. Однако детали «академического путешествия» двух групп петербургских студентов в Европу оставались скрыты от исследователей без обращения к материалам университетского и ведомственного делопроизводства, которые хранятся в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА) и Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Гораздо лучше изучена система заграничных научных стажировок 1830–1840-х гг. и пореформенных десятилетий, нашедшая отражение не только в ведомственных документах, но и в опубликованных отчетах, дневниках и воспоминаниях русских профессорантов и их кураторов [7; 8; 9; 14].

В июне 1808 г. по решению правительства 12 лучших студентов первого выпуска педагогического института были отправлены в Европу для усовершенствования в науках. Это были Александр Иванович Галич, Александр Петрович Куницын, Моисей Гордеевич Плисов, Никита Иванович Бутырский, Николай Кириллович Воронковский, Дмитрий Семенович Чижов, Михаил Федорович Соловьев, Яков Иванович Карцов, Степан Степанович Подзорский, Иван Дмитриевич Кастальский, Андрей Васильевич Ржевский, Иван Козьмич Кайданов. Впоследствии они должны были занять профессорские кафедры в Петербургском университете, который предполагалось вскоре открыть на базе педагогического института. Решение об этом было принято еще осенью 1807 г., после окончания экзаменов в институте, в связи с необходимостью ротаций внутри «ученого сословия» российских университетов. Практика приглашения профессоров-иностранцев, позволившая поставить преподавание в университетах в первые годы XIX в., не могла продолжаться долго. В программной записке попечителя столичного учебного округа Н. Н. Новосильцева об отправлении студентов за границу указывалось, что «профессоры и адъюнкты, преподавая науки на природном языке, могут произвести в учащихся гораздо большие успехи, нежели обучая на языках иностранных». Потому «явная польза Государства и наук требует, чтоб

для С.-Петербургского Университета приготовить профессоров и адъюнктов из природных россиян». Попечитель был убежден, что студенты института «наилучшим образом соответствовать могут сему намерению, как приобретшие важные сведения, открывающие им путь к достижению высших ученых степеней» [26, л. 21 об.–22; 15, л. 1–1 об., 2–4 об.]. На основе записки Новосильцева министром народного просвещения на высочайшее имя был представлен доклад об отправлении студентов за границу, который 23 мая 1808 г. был одобрен Александром I.

Конференцией профессоров Института был определен персональный состав командируемых, «отличных дарованиями, знаниями наук и иностранных языков». Они отправлялись в Европу в статусе магистров, «заслуженном ими во всех отношениях», поэтому им сразу определялось годовое содержание в 400 рублей, равное окладу магистра университета. Молодые люди уезжали за границу на три года, с тем, чтобы вернуться к моменту предполагаемого окончания обучения вторым выпуском Педагогического института и ожидаемого преобразования института в университет. Цель их пребывания в европейских научных центрах состояла в том, чтобы «усовершенствовать себя в науках, по которым могли бы они в будущем Университете занять места адъюнктов и профессоров для составления по крайней мере двух полных факультетов: нравственно-политического и физико-математического» [26, л. 22 об.].

Еще осенью 1807 года начались практические консультации между попечителем учебного округа Н. Н. Новосильцевым и профессорами института о целях и программе «академического путешествия» студентов. В ходе этих консультаций Новосильцевым на основе рекомендаций профессоров К. Ф. Германа, М. А. Балугьянского, А. И. Шерера, П. Д. Лодия, знакомых с системой преподавания в разных университетах Европы и сохранивших там академические связи, была составлена подробнейшая инструкция отъезжающим. В этом обширном документе определялись рамки основной и дополнительной специализации каждого из командируемых, маршрут «академического путешествия», намечались центры подготовки, где им предстояло жить и учиться, были определены имена европейских ученых, у которых надлежало прослушать курсы наук [6]. Студенты уезжали на три года, с тем чтобы каждый год провести в определенном программой подготовки научном центре, перемещаясь по Европе. Так, Подзорскому, специализировавшемуся в «технологии и сельском домоводстве», надлежало провести первый год в Геттингене, второй в Берлине, третий в Англии и России; Карцову, специализировавшемуся в физике и прикладной математике, – первый год в Иене, второй – в университете Галле, третий – в Париже; Воронковскому, обучавшемуся практической астрономии, следовало первые два года провести в Геттингене, третий год – в других городах Германии, где он мог бы вести практические наблюдения, а также в Париже и Милане.

В университетских городах Европы студенты, следуя традиции предыдущих десятилетий, препоручались «известным по своим правилам и роду жизни профессорам, корреспондентам здешней Императорской Академии наук или почетным ее членам и министрам российского двора» [16, л. 2 об. – 3].

В записке попечителя Н. Н. Новосильцева «Начертание об отправлении студентов Санкт-Петербургского педагогического института в чужие края», резюмирующей соображения профессоров, предлагалось развернутое определение специфики каждой отрасли преподавания, для которой намечались кандидаты, и того, какие

науки являются для нее основными, а какие вспомогательными. Исходя из этого выстраивались индивидуальные маршруты путешествий, программа слушания курсов и получения практических навыков у профессоров различных европейских научных центров. Записка Новосильцова была включена в доклад министра народного просвещения П. В. Завадовского Александру I, который 23 мая 1808 г. своей резолюцией одобрил как предложенную систему подготовки будущих ученых, так и размеры их денежного содержания во время академического путешествия [16, л. 31–32].

Так, известный в будущем правовед А. П. Куницын должен был готовиться «для дипломатики», т. е. изучать курс политических наук, понимаемых тогда как комплекс наук о государстве, государственном управлении, государственном праве. Учитель Куницына М. А. Балугьянский в своей записке на французском языке, представленной конференции 12 ноября 1807 г. («Мысли о путешествии студентов»), выразил мнение, что профессорским кандидатам в области политических наук, истории и философии необходимо углубленно изучать следующие науки: «история политическая, древняя и новая, естественное право (*le droit philosophique de la nature*), право римское и феодальное; статистика европейских государств, политическая экономия, курс дипломатики» [27, л. 16–17 об.].

Дипломатика как отрасль науки о государстве не была отделена в этом описании от политической экономии и коммерции. Для кандидата дипломатики «главными» были признаны: «1) политическая история трех последних веков; 2) курс дипломатический; 3) народное положительное право Европы; 4) познание узаконений и настоящего состояния главных держав, народонаселения, армии, фабрик (торговый баланс не есть еще важнейшая часть сей науки), знание законов политических гражданских, военных и коммерческих, а также знание, как составлять законы, свойства народа, также собирание податей и проч. означают истинного знатока прав народных; 5) начальные основания политики, если есть таковые». К вспомогательным наукам для кандидата, готовящегося по дипломатике, были отнесены «все те, кои нужны и полезны для кандидата политической экономии <...>, военная история трех последних веков, история коммерции, некоторые познания военного искусства или военных действий» [26, л. 31].

В документах, сопровождавших отъезд профессорантов в Европу, применительно к каждому из них были определены имена европейских ученых, чьи общие курсы или частные лекции (*privatissima*) желательно было прослушать. Эти указания были подкреплены рекомендательными письмами к ведущим ученым Германии и Франции, которыми были снабжены отъезжающие. Куницыну были вручены рекомендательные письма к профессорам Гейдельбергского университета А.-Ф.-Ю. Тибо и К.-Х. Лангсдорфу, профессорам Геттингенского университета математику К.-Ф. Гауссу, историку А. Л. Шлецеру, «тайному юстиции советнику» филологу Х.-Г. Гейне, члену-корреспонденту Французской академии Пуссену и др. [26, л. 130]. Другие студенты также получили по 7–15 рекомендательных писем к разным европейским ученым. От имени неперменного секретаря Академии наук Н. И. Фуса на имя ученых корреспондентов за границей (таких как геттингенские профессора А. Л. Шлецер и К. Мейнерс) также были направлены письма о содействии русским студентам [26, л. 129].

А. И. Шерер, профессор педагогического института и член Петербургской академии наук, в своей аналитической записке детально изложил задачи подготовки

специалиста в чистой математике и астрономии и его возможный академический маршрут по Европе. Он считал, что «молодой человек, имеющий способность и охоту к изучению сей пространной науки и основательно научившийся первоначальным ей правилам, почти не имеет нужды в другом наставлении, кроме того, которое можно почерпать в классических сочинениях лучших наших авторов», поэтому Шерер предлагал расширить круг теоретического чтения и, главное, организовать частные консультации и занятия у ведущих европейских математиков. Со знанием дела он пишет: «Не в публичных, всегда весьма поверхностных и содержащих токмо первые основания наук, курсах профессоров в университетах, даже устроенных наилучшим образом, наш студент может надеяться пройти с успехом математику, а в частных уроках <...> он в короткое время успеет умножить свои познания. Пфаф в Гельмштедте, Ключер в Галле, Гаусс в Геттингене наиболее заслуживают доверенности по части геометрии, как имеющие по сей части глубочайшие познания изо всех ученых в Германии. В Париже изобилие затрудняет выбор. Не говорю о Лагранже и Лапласе (кои не занимаются частными уроками, но верно согласятся давать советы касательно затруднительных случаев, достойных их внимания; там находятся Боссю, Лежандр, Лакроа, Био, Франкер, которые всем известны по своим сочинениям и по успехам учеников. Для первого образования кандидат отправится к профессору Пфаффу в Гельмштедт, который признан одним из отличнейших математиков Германии и известен своим обработыванием нового учения комбинаций. Потом, Париж, есть наилучшее место для дальнейшего образования, ибо, как известно, там находятся искуснейшие люди по сей части. После сего полезно несколько времени употребить для слушания проф. Гута во Франкфурте на Одере» [26, л. 34]. Подробности данной записки, как и других профессорских рекомендаций свидетельствуют о непосредственном знакомстве писавших с основными научными специализациями и традициями европейских университетов и академий. Это позволило составить для всех кандидатов квалифицированную и исчерпывающую программу подготовки, соответствующую уровню развития наук в начале XIX века.

В итоговой редакции «Начертания...» Новосильцева подготовка специалиста по чистой математике (в этом качестве выступал Д. С. Чижов) была отделена от подготовки в «практической астрономии». Последняя была возложена на Н. К. Воронковского, задачи которого определялись следующим образом: «Молодой человек, знающий все части математических наук, может надеяться с успехом посвятить себя практической астрономии. Изо всех университетов в Германии Геттинген по сей части наиболее одобряется, не по причине обсерватории, ибо в Германии находятся лучшие, но потому что там находится знаменитый профессор Гаус, человек, имеющий равные познания в математике, искусстве наблюдения и высших астрономических исчислениях. Помощник его г. Гардинг главным образом по справедливости известен как хороший обсерватор. Пробыв два года в Геттингене, студент с пользою может посетить наилучшие обсерватории в Германии и директоров оных, как, например, Цаха в Зеберге, Бода в Берлине, Бесселя в Лилиентале, Триснекера и Бурга в Вене и проч. Он окончит посещением обсерваторий в Милане, Париже и Гринвиче» [26, л. 59–59 об.].

Любопытны пространные рассуждения в записках профессора статистики К. Ф. Германа и политэконома М. А. Балугьянского о сравнительных достоинствах разных университетов, которые послужили материалом Новосильцеву для составления

итогового «Начертания...». Балугьянский пишет (перевод французского оригинала): «В настоящем положении Европы трудно изобразить университет, в котором бы политические науки основательно были преподаваемы. Однако ж в Геттингене можно слушать гг. Гуго по части римского права, Мартенса по части народного права, Сарториуса по части политической экономии, Герена по части истории и проч. В Гейдельберге находятся теперь славнейшие профессора Германии: Тибо по части гражданского права в числе оных. Для пребывания в обоих сих университетах довольно одного года, в течение коего желательно было бы, чтобы они (отъезжающие студенты. – Т. Ж.) увидели еще Лейпцигской, Иенской и др. университеты, если они существовать будут». Далее профессором развернуты соображения о необходимости посещения Франции: «Не учебные заведения политических наук могут служить побудительною причиною для кандидатов осмотреть Париж и Францию; училище во Франции и Академия законодательства суть единственные заведения, в которых можно слышать нечто о законоположении и политике; но там есть другие заведения, есть люди, новые постановления и множество других вещей, достойных применения. И так, [не] только знание света, опыт и памятники искусства привлекут их в Париж. Для сего можно назначить примерно год».

Балугьянский также считал необходимым посещение профессорскими кандидатами Англии. Именно здесь, «если переменятся политические обстоятельства, кандидаты увидели бы чудеса человеческого искусства, самое цветущее земледелие, фабрики, верфи и проч., также смешанное правление, парламенты, суды и места, учрежденные для приведения в лучшее состояние хлебопашества. <...> Возвращением чрез Голландию, Гамбург, Киль, Копенгаген, Стокгольм они окончат свое путешествие. Полезно бы было видеть им Вену в рассуждении ее библиотек, картин и проч., и по близости к Империи. На все сие полагается также год» [26, л. 32–33, 56].

Этот пассаж Новосильцовым в итоговой редакции инструкции был опущен, но основные его идеи сохранены. Таким образом, чисто академические задачи путешествия должны были соединиться с познавательными, расширением политического и культурного кругозора профессорских кандидатов.

План подготовки специалиста по ботанике и минералогии (в этом качестве был определен И. Д. Кастальский) согласно «Начертанию...» предполагал, что вначале «студент имеет отправиться в Геттинген для познания систем ботаники и в особенности криптогалии (термин, соответствующий современному понятию таксономии, или учения о принципах систематизации организмов. – Т. Ж.) у трудолюбивого проф. Шредера». К зиме он должен «отправиться во Фрейберг для минералогии, где он может совершенно узнать методу славного Вернера. Потом с наступлением весны нужно будет ему сделать путешествие чрез Саксонские и Богемские горы в Билин, где выслушает курс у знаменитого Рейса. Он, как известно, ученик Вернера и сочинитель полнейших и основательнейших книг по минералогии, какие теперь имеем, а Богемия есть земля, отменно способная для учения геогнозии. В то же лето может он ехать в Регенсбург, где есть весьма прилежные ботанисты, как то Гоппе, президент тамошнего Ботанического общества, который рачительно занимается образованием молодых ботанистов. Он, равно и другие там живущие ботанисты, часто предпринимает ботанические путешествия в окрестные земли, даже до Альпийских гор. Находящиеся там ботанисты и богатая растениями природа, каковы суть окрестности Регенсбурга и Гейдельберга, дадут

случай получить совершенное познание в практической ботанике. Получив уже сии познания, студент отправится в Париж, где в зимнее время постарается узнать систему Гайю от самого ее изобретателя, а с наступлением весны окончит учение свое в ботанике в Парижском саду растений, который бесспорно своим устройством превосходит все прочие. Отсюда, если обстоятельства позволят, отправится в Корнвалию (Корнуолл, графство на Юго-Западе Англии. – *Т. Ж.*) для минералогии, в противном случае возвращаясь в Россию чрез иностранные владения, полезно было бы, чтобы он несколько времени употребил на обозрение и наблюдение произведений по ботанике и минералогии в южных странах России, как то: в Крыму, Малороссии и проч. [16, л. 63–64].

Этот детализированный план ученого путешествия также строился на профессорских рекомендациях и был составлен, скорее всего, профессором Педагогического института А. М. Теряевым. План и предположенные маршруты раскрывают неформальную сторону организации науки, кругозор и личные связи петербургских профессоров.

Все профессоранты получили подробные персональные наставления о цели своей научной подготовки, ее этапах и географии. Так, в «наставлении», данном А. П. Куницыну, говорилось о цели подготовки специалиста в области наук о государстве: «В новейшие токмо времена испытали, что государственные науки не принадлежат ни к философии, ни к науке права, но составляют особую часть сведений. Исторические познания служат им введением, которое должно быть основано на тех философических правилах, которые служат пищею для истории. Политик имеет сношение с человеком как с гражданином, следовательно, прежде суждения о сношениях народов и частных особ между собою и обнародования своих суждений должен он знать свойства человек и государств, почерпнуть советы в опытности протекших времен». Ниже карандашом, рукой Новосильцева, были обозначены два варианта «академического путешествия» для Куницына. Первый: «1-й год в Геттингене, 2-й год в Гейдельберге, 3-й во Франции». На обороте листа был предложен вариант с посещением Англии: «...3-й [год]: первую половину во Франции, 2-ю в Англии» [26, л. 91]. Таким образом, первый год стажировки А. П. Куницын должен был провести в Геттингенском университете, второй – в Гейдельбергском, где «находятся теперь славнейшие профессора Германии, Тибо по части гражданского права среди прочих» [26, л. 56]. «Примерно год» определялся ему для пребывания в Париже, которое подчинялось задачам изучения практического законодательства Франции, в парижской Академии права. Самостоятельной задачей было знакомство с системой организации науки и образования во французском институте [26, л. 32].

Н. Н. Новосильцев, слывший англоманом и знавший университеты Англии, считал необходимым для Куницына посещение и этой страны, правда в том случае «если переменятся политические обстоятельства» [26, л. 56 об.]. Имелось в виду осложнение внешнеполитических отношений фактом заключения российско-французского союза в Тильзите и вынужденного присоединения России к континентальной блокаде Англии. В этой связи кандидатам рекомендовалось заниматься английским языком, находясь в Германии и Франции, чтобы расширить первоначальные навыки, полученные еще в Педагогическом институте.

Помимо жалования, равного магистерскому, каждому из отъезжающих была назначена сумма в 1100 руб. в год на издержки, связанные с переездами, оплатой

за прослушанные лекции и консультации иностранных ученых. Финансирование производилось вперед, по третям года. Эта сумма была увеличена перед отъездом до 1500 руб. в связи с ускоряющейся инфляцией рубля, причем выплаты были сразу произведены за год вперед. В общей сложности Государственное казначейство выдало профессорам при отъезде из училищного капитала 18 тыс. руб. [16, л. 33].

Каждому из отъезжающих был вручен заграничный паспорт, представляющий собой универсальный документ, с определением статуса владельца, цели путешествия, с указанием всех городов, предназначенных к посещению. Коллективная дорожная карта «академического путешествия» 12-ти студентов, согласно паспортам, определяла маршруты: «Кайданову в Геттинген, Галичу в Гельмштедт и Геттинген, Плюсову в Геттинген, Гейдельберг и Париж, Куницыну в Геттинген, Гейдельберг и Париж, Бутырскому в Геттингене, Париж, Вену и др. города Франции и Германии, Чижову в Гельмштедт, Галлу, Геттинген и Париж, Воронковскому в Геттинген, Зеберг, Берлин, Лилиенталь, Вену, Милан и Париж. Ржевскому в Париж, Вену и Зальцбург, Кастальскому в Германию, Францию и Италию, Подзорскому в Геттинген и Берлин» [16, л. 38]. В паспортах также содержалось обращение к европейским властям и российским консульствам за границей с просьбой оказывать «академическим путешественникам» всяческое содействие. Типовой текст паспорта за подписью министра иностранных дел Н. П. Румянцева выглядел следующим образом: «Божиею милостью мы, Александр I император и самодержец Всероссийский и прочая и прочая, и прочая. Объявляется чрез сие всем и каждому, кому о том ведать надлежит, что показатель сего Санкт-Петербургского педагогического института студент Воронковский отправляется по Высочайшему Е. И. В-ва повелению в Геттинген, Зеберг, Берлин, Лилиенталь, Вену, Милан и Париж для усовершенствования в науках, того ради Мы всех высоких областей дружески просим от каждого по состоянию чина и достоинства, кому сие предъявится, приятно желаем, нашим же воинским и гражданским управителям всемилостивейше повелеваем, дабы означенного студента Воронковского как ныне из России едущего так и потом в Россию возвращающегося, не токмо свободно и без задержания везде пропускать, но и всякое благоволение и вспоможение оказывать велели, за что Мы нашим высоким Областям взаимно в таких случаях воздавать обещаем. Наши же подданные Наше повеление да исполнят во свидетельство того дан сей паспорт с приложением Нашей Государственной печати. СПб-г, июня 15, 1808. По Е. И. В-ва указу. Подлинный подписал гр. Николай Румянцева» [26, л. 135]. Паспорты были отпечатаны на русском и немецком языках.

Российские дипломаты, получив по своим каналам соответствующие распоряжения, вступали в переписку с министерством народного просвещения по поводу русских студентов. Так, российский посланник в Саксонии В. В. Ханьков писал из Карлсбада, что как только студенты окажутся «в местах, где буду я иметь возможность содействовать к их пользе», для них будет сделано все необходимое. Посол России в Австрии Ан. К. Разумовский, по приезде в Вену студента Подзорского в августе 1809 г., сообщал министру народного просвещения о его занятиях и прибавлял: «Я ему к сему сколь от меня зависеть будет, способствовать буду, и просил его меня уведомить, коль скоро он в моем заступлении нужду встретит» [16, л. 52, 54].

В первый год путешествия, согласно программе подготовки, сразу несколько профессорантов оказались в Геттингенском университете. Здесь «кандидату

по дипломатике» Куницыну надлежало «слушать гг. Гуго по части римского права, Мартенса, по части народного права, Сарториуса по части политической экономии, Герена по части истории и проч.» [26, л. 56]. И. К. Кайданову, который готовился «для истории, географии и статистики», предстояло все три года пробыть в Геттингенском университете, как «изобилующем всеми средствами к усовершенствованию студента во всех исторических и вспомогательных к ним науках» [26, л. 50 об. – 51] Н. И. Бутырскому, который готовился к преподаванию «словесности и эстетики», предстояло здесь провести два первых года, а на третий год совершить путешествие по другим университетским городам Германии, а также по Англии и Франции. В Геттингенском университете первый год стажировки проводили также Кастальский, Подзорский и Воронковский. В Геттингене в это время находились и трое стипендиатов, посланных Московским университетом: А. В. Болдырев, Ф. Я. Ранд и Р. Ф. Тимковский. Одновременно с ними, но за свой счет в Геттингене слушали лекции Н. И. Тургенев, П. П. Каверин, А. И. Михайловский-Данилевский и С. В. Михалков (будучи, правда, в статусе отличном от уже получивших российские дипломы своих товарищей). Русская студенческая колония в Геттингене, оказавшись довольно многочисленной, жила компактно, поддерживала и подчеркивала связи с родиной. Об этом мы узнаем из дневников и переписки братьев Александра и Николая Тургеневых, дневников А. И. Михайловского-Данилевского [2; 12].

Сведения о занятиях в Геттингене и других научных центрах сохранились в рапортах самих профессорантов, которые они должны были представлять конференции педагогического института каждые четыре месяца. Кроме того, им было разрешено для скорости решения возникающих материальных проблем напрямую сноситься с министром народного просвещения и обращаться за помощью в российские консульства. Фрагменты этой переписки сохранились в делопроизводстве педагогического института, делах канцелярии попечителя учебного округа и министерской кацелярии. Эти источники позволяют частично реконструировать ход академических занятий профессорантов за границей, круг научных интересов и контактов, их европейские маршруты, бытовую сторону жизни, а также систему административных отношений, в которую вовлекались европейские профессора, российские дипломаты, таможенники, банкиры, через которых осуществлялся перевод векселей для срочной оплаты долгов, квартирные хозяйки и т. д.

Самостоятельный интерес представляет язык этой переписки, свободный от формализации, приданной университетскому делопроизводству реформой 1830-х гг., непосредственный, отражающий эмоции и характеры пишущих. Особенностью стиля данной переписки является уважительное отношение Конференции к своим бывшим питомцам, к которым она обращается как к равным. «Милостивый государь мой Николай Кириллович», – так обращается, например, к Воронковскому секретарь Конференции профессор И. И. Мартынов (в отсутствие директора фактический глава Педагогического института). Неформальный характер этой коммуникации проявляется и в том, что вчерашние студенты получили право напрямую писать министру народного просвещения гр. Ал. К. Разумовскому. По форме тексты студенческих отчетов содержат информацию о занятиях, перемещениях, повседневной жизни и нуждах молодых людей, многие из них представляют собой образец риторического письма.

Особенно эффектны рапорты С. С. Подзорского и Н. И. Бутырского, чаще других прибегавших к просветительской риторике и высокому слогу, в то же время они написаны с чувством собственного достоинства, которое приобреталось бывшими семинаристами, выходцами из социально приниженого духовного сословия, за годы обучения. Местами эти рапорты напоминают беседу с близкими по духу и понимающими товарищами. Обращаясь к профессорам педагогического института уже как к коллегам, стипендиаты мотивируют свои переезды из одного города в другой, отклонения от предписанного академического маршрута, смену научных кураторов, объясняют перерасход средств и происхождение долгов, сообщают о покупке необходимых книг и приборов, ищут совета. Это образчики научной переписки своего времени, отражающие характер пишущего и его взаимоотношения со своими наставниками, которые характеризуются как «семейный стиль» дореформенного университета [3].

Н. И. Бутырский сообщает о себе в рапорте от 16 января 1811 г., объясняя переезд в Геттинген из Парижа:

«Почтеннейшие члены Конференции!

В последний раз, если не ошибаюсь, дерзаю утруждать слух ваш, без сомнения уже утомленный нашими просьбами в течение целых почти трех лет.

Позвольте наперед мне заняться изложением моих занятий в Геттингене. <...> Кроме двух исторических коллегий, я посвящал и посвящаю весь зимний семестр на прочтение наилучших из книг, большею частью критических. Надеюсь, что вы простите мне, если я может быть слишком распространяюсь, изъясняя главнейшие сочинения, наиболее занимавшие меня в течение полгода. Сие тем охотнее предпринимаю, что может быть Конференции заблагорассудится украсить ими нашу институтскую библиотеку.

1. Зульцера теория изящных искусств с прибавлениями г. Бланкенберга.

2. Дополнения к Зульцеровой теории или отличительное начертание всех древних и новейших знаменитейших поэтов.

3. Бутервекова история итальянской, французской, испанской и английской поэзии.

4. Эйхгорнова история образования и словесности всех народов. <...>

5. Шлегелева история греческой поэзии.

Некоторые по сей части журналы: Магазин словесности; Швейцарский музей, Немецкой музей, многие статьи парижской Академии словесности. <...>

18. г. Андре, сочинение об изящном.

Руководствуясь сими и другими сочинениями, сверх некоторых переводов и сочинений в прозе и стихах, сверх записок в коллегиях, я написал примечания на мою эстетику, которую вообще пояснил и расширил; краткую историю греческой поэзии; подробнейший разбор всех греческих поэтов, начиная от так называемых баснословных <...>. В оставшееся время семестра надеюсь собрать краткую историю римской поэзии, и если успею, разбор римских, по крайней мере наиважнейших поэтов. Смею надеяться, что почтеннейшая Конференция не сочтет хвастовством сие откровенное и некоторым образом должное признание, но примет как наилучшее оправдание касательно моего перевода из Парижа в Геттинген. В противном случае будучи может быть обвиняем я предлагаю вместо всякого ответа мои занятия».

Далее следует откровенный, интонационно воспроизводящий живую речь, репортаж о катастрофическом состоянии кошелька профессоранта и прошение о присылке дополнительной суммы на обратный путь:

«Наконец, порядок требовал бы предложить отчет в издержанной сумме 600 руб. Но я думаю, что он совсем не нужен будет, если вообразить, как и не сомневаюсь, что я получил за сию сумму 750 франков, что каждый франк отвечает 20 копейкам, что я сделал дальше и не прямое путешествие, что со времени получения протекло уже 6 месяцев. Если присоединить еще к тому 2 месяца, которые остается мне здесь прожить, то смею сказать, что я не могу обойтись без долгов. Я сказал 2 месяца, ибо в конце марта оканчивается зимний семестр. Почтеннейшей конференции, конечно, неизвестно, что нам время возвращаться. Ибо обзывать на следующий семестр квартирою, коллегиями и пр. – значило бы напрасно тратиться. Знаю, что мы должны явиться в Петербург 1-го июня.

Таким образом, с нетерпением ожидаем решительного ответа я и г. Плисов, и вместе суммы, которая была бы достаточна заплатить некоторые долги и сделать обратное путешествие со всею нашею поклажею, для чего по крайней мере потребно 400 талеров, и притом к 15 следующего марта, особливо когда я намерен и должен поехать через Дрезден, чтобы осмотреть Дрезденскую галерею. Я не могу определить рублями, ибо кроме того, что каждый рубль отвечает 4 грошам, я не могу ручаться, продолжится ли тот же самый курс еще 2 месяца. Почтеннейшая Конференция на сей раз решится нашею судьбою, ибо иначе мы ни здесь долее жить, ни возвратиться не в состоянии. Просим внять нашей просьбе. Пребываю с глубочайшим почтением и преданностью покорнейшим слугою Н. Бутырский. Геттинген [20, л. 3–4].

Не все студенты смогли в точности выполнить предначертанный Новосильцевым план научной подготовки. Так, Куницын потратил на освоение политических наук в Геттингене не год, а два года, после чего в его перемещении в Гейдельбергский университет уже не было необходимости. Наоборот, А. И. Галич провел основное время в Гейдельбергском университете, одном из центров европейской философии. Однако, задержавшись в Геттингене, Куницын расширил круг рекомендованных ему курсов, скорректировав данную в Петербурге инструкцию. Впрочем, так были вынуждены поступить и многие его товарищи, по разным причинам задерживаясь в одних университетских городах и не посещая другие. Основной причиной изменения их маршрутов и планов было то, что в это время Европа активно воевала, и это остро ощущалось в немецких землях, частично присоединенных Наполеоном. Немецкие университеты теряли своих студентов и профессоров, иные и вовсе были закрыты. Главное, росла дороговизна, а русский рубль стремительно обесценивался. Это сказывалось в расхождении предполагаемых расходов за границей с реальными. Недостаточной оказывалась сумма в 1500 руб. годового содержания, получение которого задерживалось по 4–6 месяцев и за это время обесценивалось. Дополнительных сумм, высылаемых по просьбе профессорантов в 1810–1811 гг. на оплату лекций, переезды, также оказывалось недостаточно. Студенты вынуждены были прибегать к займам у русских представителей за границей, частных лиц. Просьбам о скорейшей посылке дополнительных денег посвящена основная часть их обращений в конференцию Педагогического института и к министру народного просвещения.

Сохранилось по несколько похожих отчетов от астронома Н. К. Воронковского, физика Я. И. Карцова, химика М. Ф. Соловьева, математика Д. С. Чижова, письма прервавшего свое обучение и уехавшего к родителям в Московскую губернию И. Д. Кастальского и других.

Так, Соловьев писал о себе в обстоятельном рапорте, который через русского посла во Франции А. Б. Куракина пересылался министру народного просвещения:

«Я имел щастие быть помещен в число сих 12 путешественников. Химия с принадлежащими к ней другими науками составляет предмет, коим я решился особенно заниматься. <...> Рекомендательные письма, кои я имел от СПб. Академии наук ко многим иностранным членам оной, познакомили меня с знаменитейшими берлинскими учеными. В течение 10 мес. я слушал тамошние публичные лекции, но особенное мое занятие составляли 2 частных курса (*privatissimo*): курс всеобщей химии первого немецкого химика славного Клапрота и курс камеральной или хозяйственной химии г. Гермстедта. <...> Обзорение фабрик и мануфактур, коими наполнена столица Пруссии и окрестности ея, было одним из главных моих предметов. По истечении первого года путешествия моего по особенному предписанию начальства я должен был отправиться из Берлина в Париж. Приехавши сюда в июле месяце 1809 г., я нашел еще более благоприятствующих средств к усовершенствованию моих познаний». Соловьев прослушал публичные курсы, которые читались в летнем семестре в парижском Музее естественных наук, но, как пишет, не успел «вполне познакомиться со всеобщим естественным методом». Затем, когда начался зимний семестр в *College de France*, он прослушал здесь курсы физики, всеобщей органической химии и курс медицинской химии. В плане третьего года его стажировки стояло «хотя бы недолгое пребывание в Лондоне, если к сему времени переменятся политические обстоятельства», но поскольку внешнеполитическая напряженность не ослабела, Соловьев получил предписание еще на год остаться в Париже и заниматься всеобщей химией, «химией приноровленной к мануфактурам», фармацевтической химией и геогнозией», посторонними курсами [16, л. 132–133об.].

Н. К. Воронковский, обучавшийся практической астрономии в Геттингенском университете, в рапорте от 6 июля 1809 г. сообщал в конференцию педагогического института о ходе своих занятий у К.-Ф. Гаусса, объясняя как сделанные им дополнительные издержки, так и необходимость задержаться в Геттингене и взять дополнительные занятия вместо рекомендованной поездки в Берлин к профессору И.-Э. Боде. Он писал:

«Почтеннейшие члены Конференции!

Благосклонность ваша, которою я имел щастие пользоваться во время пребывания моего в Институте, дает мне право думать, что это была награда за поступки, сообразные с предписанием и волею начальства <...> Настоящие мои занятия сверх упомянутых в предыдущем донесении наук, составляют геодезия и также английской язык. Первой учусь у проф. Thibaut, а последнему у проф. Beneke. Что же касается до практической астрономии, то еще и до сих пор не начинал, ибо проф. Gaus по объявленной уже мною причине никаких астрономических лекций не читает. Итак, не видя никакого другого средства слушать сию науку, хотелось бы взять у него *privatissima*, но услышав от него, что это стоит 12 лудоров, т. е. 65 талеров за 5 1/2 месяцев, принужден был оставить мое намерение,

поелику сумма сия составляет почти половину третнего моего жалования; по причине худого курса и большой в Геттингене дороговизны. <...> Обстоятельство сие приводит меня в большое замешательство, я предлагаю оное на рассмотрение почтеннейшей конференции и в ожидании решения пребываю с глубоким почтением. Студент Николай Воронковский» [23, л. 2–2об.].

В том же рапорте Воронковский представил обстоятельный счет о своих тратах за первый год путешествия, который дает понятие о повседневных издержках, перемещениях и трудностях быта русских академических путешественников по Европе:

«Из полученных в С.-Петербурге за две трети денег 733 – издержано тут же на покупку дорожных вещей, 50, на путевое содержание от С.-Петербурга до Риги и на квартиру в Риге издержано 55. Часть остальных денег променял я у Цукербенер Клейн на Албертовы талеры и получил 116, а на прочие 300 взял вексель.

От Риги до Кенигсберга издержано 26, от Кенигсберга до Берлина 40, от Берлина до Геттингена – 30, в Геттингене на постоялом дворе – 2. Проректору за принятие в университет запл[ачено] 8. Из всей суммы после дороги осталось 10. За вексель, привезенный мною из Риги получил я 127 тл.; за кредит 129 тл.; за вексель на третнее жалование 165 тл., все конвенционную монетою, итак в итоге с оставшимися после дороги деньгами превратя их в здешнюю монету, всего 434 тл. За квартиру с дровами, свечами, прислугой, столом, мытьем белья и чищением сапог от 1 сентября по 1 апреля заплачено 175. Профессорам за лекции, за английский и французский язык, касательно последнего я занимался разговорами, от 1 октября по 1 апреля. – 79. На книги – 30. На некоторые математические инструменты – 10. На бал, которой я согласил всех русских, в том числе курляндцев, лифляндцев, эстляндцев и финляндцев был дан для здешней публики в день рождения нашего государя – 20. На путешествие по Гарцу – 20. На обувь, белье и верхнее платье – 70. Как на необходимые мелочи, так и на позволенные удовольствия – 34. Итого 434.

Я должен еще уведомить почтеннейшую Конференцию, что по причине больших расходов, которые я принужден здесь делать во время моей болезни, вошел я в довольно значущие по моему жалованию долги. Близость срока, который мне был назначен для уплаты оных, не позволяла мне писать об этом в Конференцию, и я нашел себя принужденным занять 1000 франк[ов] у Его Сиятельства князя Александра Борисовича Куракина» [23, л. 5–6об.].

Конференция рассмотрела объяснения студента. Секретарь конференции И. И. Мартынов ответил Воронковскому 25 августа 1809 г., ссылаясь на распоряжение попечителя учебного округа о выполнении предписания ехать в Берлин по окончании курса у профессора И. Э. Боде: «Его превосходительство изволил отозваться, что как Вы рекомендованы г. профессору Боде в Берлине находящемуся, то и должны непременно, следуя наставлению Вам данному, по выслушании в настоящий семестр курса (буде Вы начали), отправиться в Берлин, где будете с пользою для себя следовать методе учения г. Боде» [23, л. 3].

Однако Воронковский задержался в Геттингене еще на 10 месяцев, так и не ехав в Берлин. Третий год стажировки с июля 1810 г. он проводит в Париже, как и предписывалось ему инструкцией. Правда, первый рапорт из Парижа он представил только через полгода после приезда во Францию. Он пишет: «Приехавши сюда, что было 1 июля прошедшего года, я принужден был жить 6 месяцев без всякого

руководства, ибо курсы физико-математических наук начались в последних числах ноября, сверх этого я сделался болен горячкою и пролежал с ноября почти до последних чисел января, что и замедлило мое донесение. Касательно настоящих моих занятий, имею честь донести, что я слушаю теоретическую астрономию, которую преподает г. Делабр, дифференциальные и интегральные вычисления, кои проходит г. Лакроа» [23, л. 7]. Далее Воронковский представляет роспись своих расходов за истекший год, с пояснениями о соотношении валют: «За вексель на 1400, присланный мне на 3-й год моего путешествия, получил я 512 талеров. Из них употреблено на проезд от Геттингена до Парижа – 145 талеров или 580 фр. По приезде в Париж оставалось у меня 367 тал. и 1468 фр., по получении же 100 фр. от посла, имел я всего в Париже 2468 франков. Из них уплачено с 1 июня прошедшего до 1 марта текущего года: За квартиру в месяц 30 фр., всего – 270 фр. За завтрак, обед и ужин в месяц 115 фр., всего – 1035 фр. За мытье белья в месяц 3 фрю., всего 27. За чищение сапог в месяц 3 фр., всего 27. За свечи в месяц 4 фр., всего 24. За дрова 45. За наем печки – 12. За две пары сапогов – 80. За шляпу – 25. За книги – 150. Лекарь – 300. За лекарства – 200. Итого 2195 франков» [23, л. 1–1об.].

Однако профессорант не был удовлетворен своими занятиями и настаивал на необходимости продлить срок пребывания за границей на 2,5 года, с сохранением содержания, и провести это время в Геттингенском университете под руководством И.-К.-Ф. Гаусса: «Так как время, назначенное для моего путешествия, приближается уже к концу, то я считаю за необходимое уведомить почтеннейшую Конференцию, что успехи мои в астрономии особенно практической не только чтобы не требовали уже никакого приращения, но напротив того, так малы, что я чувствую совершенную невозможность возвратиться к назначенному сроку в мое отечество для исполнения предлежащей мне должности. <...> Я не занимался практическою астрономиею во время пребывания моего в Геттингене, питаю однако ж в груди моей желание приобрести довольные познания в сей части и следуя предписанию почтеннейшей Конференции, отправился в Париж. Проживши здесь 6 месяцев, не имея никакого руководства и, следовательно, без существенной пользы, увидел, наконец, при открытии курсов, что и здесь мне невозможно достигнуть моей цели, ибо практической астрономии ни приватно, ни публично никто не преподает, и вход в Императорскую обсерваторию для студентов столь труден, что даже и имея короткое знакомство с профессором, не можно ходить столь часто, сколько бы это нужно было для начинающего заниматься сею наукою, и притом так как профессор приходит всегда на обсерваторию для делания нужных для него наблюдений, то в сем случае по той причине, что он бывает очень занят, студенту невозможно пользоваться надлежащим образом его наставлениями. Представив все обстоятельства препятствовавшие мне доселе приобрести такие сведения в астрономии, с которыми бы я теперь мог возвратиться в Россию для исполнения имеющей быть возложенной на меня должности, и желая приносить ощутимую пользу моему отечеству, осмеливаюсь просить почтеннейшую Конференцию: 1) исходатайствовать мне у высшего начальства позволение остаться в чужих краях еще на два года с половиною, которые я хочу провести в Геттингене, пользуясь приватными уроками г. Гауса; 2) выпросить на это годовое жалование, которое было бы равно 700 талерам; 3) прислать сие жалование за целые два года с половиною банкиру Бетману, дабы через сие избежать мне

большей потери, необходимой в том случае, когда оное присылаемо будет в векселях в различные времена. Сумма сия, хотя и довольно значуща нашими деньгами в теперешнее время, но она ничуть не излишняя, потому что я обязан буду платить за одни лекции 300 талеров в год, а остальные 400 талеров необходимо для самого умеренного содержания, притом же вся эта сумма в хороший курс не составляет больше 800 руб. Я надеюсь, что почтеннейшая Конференция, уважив представленные мною причины, и зная, что возложенная на меня часть была для меня совершенно нова, не откажет мне в сей милости, тем больше, что через сие сделаться совершенно полезным своему Отечеству.

Студент СПб. Императорского педагогического Института Николай Воронковский. Париж. 3/15 февраля 1811 г. [23, л. 7–7об.].

Просьба Воронковского не могла быть удовлетворена, однако министерство пошло ему навстречу. Министр Ал. К. Разумовский распорядился о присылке дополнительной суммы и разрешил ему остаться в Геттингене, но не на 2,5 года, а лишь до окончания весеннего семестра. Однако в оговоренный срок профессорант в Геттингене не появился, вернее, не сообщил в российское консульство о своем прибытии, что вызвало переписку Ал. К. Разумовского с российским посланником при Вестфальском дворе Л. А. Яковлевым. 8 июля 1811 г. министр народного просвещения писал: «Находившийся в Париже студент здешнего Педагогического института Воронковский в марте месяце с. г. отправляясь в Россию, должен был несколько времени пробыть в Геттингене. А как он и по сие время сюда не явился, где находится, неизвестно, то я покорно прошу Ваше превосходительство поручить кому следует узнать, проезжал ли он Геттинген и буде и теперь в нем находится, выслать его в С.-Петербург» [16, л. 168]. Выяснилось, что студент находится в Геттингене, но отказывается ехать в Россию, прося дозволения продолжать там науки «хоть на собственный кошт» [16, л. 170]. Ответ Разумовского был категоричным: поскольку трехгодичный срок путешествия миновал и он нужен в России, посланнику Яковлеву предписывалось «не принимая от Воронковского никаких отговорок приказать ему немедленно сюда отправиться». Воронковскому министр категорично сообщал: «Даю Вам знать, что как Вы имеете уже приказание возвратиться в С.-Петербург, то остается Вам следовать оному и с получением сего немедленно отправиться сюда» [16, л. 129]. Это предписание пришлось повторять трижды. 5/17 сентября 1811 г. Воронковский дерзает вновь обратиться к министру с личным письмом: «Ваше сиятельство! Прошение мое Вам известно. Уважьте сделанные мною в нем представления, справедливость коих подтвердят все знающие меня в сем университете профессора. Позвольте мне возвратиться в Россию позже, но с тем большею для нее пользою. Не откажитесь составить чрез сие вечное мое счастье. Сжальтесь над согбенными под старостью лет моими родителями, кои дышат одною только надеждою видеть меня некогда полезным членом общества» [16, л. 168].

Настойчивость студента произвела ожидаемый эффект. Для Воронковского было сделано исключение, хотя все его товарищи к тому времени уже вернулись на родину. 30 сентября 1811 года министр народного просвещения сообщил через российского посланника Л. А. Яковлева что разрешает Воронковскому задержаться, но не более как на полгода, «снисходя к просьбе его и по уважении выгодного свидетельства о нем профессоров». Одновременно Яковлеву поручено было организовать за Воронковским «посредством кого-либо из профессоров

неослабный надзор», чтобы профессора «при первом случае, который бы подал повод сомневаться в добром поведении его, донесли бы Вам для извещения меня».

В конце октября 1811 года Воронковский ходатайствовал о новой присылке денег, поскольку те, что он получил в Париже на обратную дорогу в Петербург, были израсходованы за полгода жизни в Геттингене [16, л. 179]. Между тем, кроме дорожной суммы в 1,5 тыс. Воронковский получил еще 1000 фр. «не в зачет» от российского представителя во Франции А. Б. Куракина. В ответ на эту просьбу министр написал Яковлеву, что о студенте складывается невыгодное мнение, тем более, что ранее он предполагал обосноваться в Геттингене за собственный счет. Разумовский тем не менее попросил Яковлева, когда Воронковский «совсем уже соберется», но не прежде, выдать ему небольшое количество денег на обратную дорогу.

Дальнейшая судьба Н. К. Воронковского остается для нас неясной, видимо, он не успел вернуться на родину до начала Отечественной войны. Последнее донесение Л. А. Яковлева от декабря 1811 г. говорило о том, что Воронковский «сделался сильно болен», и отправить его на родину пока нет возможности. В июне 1812 года Разумовский снова настаивал на скорейшей высылке студента в Россию, «поелику срок путешествия его давно кончился», полагая, что он давно выздоровел. С этого времени в документах министерства народного просвещения имя Воронковского не упоминается.

Другие профессоранты также под разными предлогами стремятся отдалить срок возвращения на родину, подкрепляя необходимость продлить стажировку чисто академическими аргументами: курс наук начат позже, затянулся не по вине профессоранта, но должен быть окончен, или же рекомендованный «инструкцией» профессор слишком стар, но рядом (или в другом университете) появилось новое светило, у которого хотелось бы взять приватные лекции за сходную плату. Стремление молодых людей задержаться в Европе хотя бы на несколько лишних месяцев, можно связать не только с их пониманием своих академических задач, но и с осознанием контраста российского и европейского быта и стиля отношений, в том числе академических. Они не могли не почувствовать того «духа свободы», который подкупал всех русских путешественников XIX века за границей. Вероятно, болезненным был и разрыв личных и научных связей при возвращении на родину накануне ожидаемой войны. У того же Воронковского за время стажировки появилась гражданская жена (сожительница), о которой упоминает Н. И. Тургенев в своих геттингенских дневниках.

С. С. Подзорский настаивал на необходимости задержаться в Пруссии в связи с открытием в 1810 г. Берлинского университета и возможностью прослушать в нем курсы практической экономии и сельского хозяйства профессора сельскохозяйственной академии А.-Д. Тэера. В намерении быть услышанным, Подзорский отправил 26/14 января 1811 г. на имя министра народного просвещения письмо, являющееся образцом просвещенной риторики и высокого слога:

«Сиятельный граф! Милостивый государь!

Опыты, показавшие ясно нашему монарху и россиянам, что Просвещение и патриотизм суть единственные пружины деятельности Вашей в сфере Муз, Искусств и художеств нашего любезного Отечества, деятельности, коея лучи проникли за пределы России, делают меня дерзким повергнуть к стопам Вашим мой слабый план и мою всемилостивейшую просьбу о вспомоществовании и о способах

Вашего сиятельства к подкреплению сего плана <...>. По данной мне от конференции Педагогического института инструкции пребывание мое в чужих краях, имеющее целью усовершенствование меня в науках – технологии и экономии, науках сколько самих по себе важных, но более еще драгоценных для нашего богатого Отечества, к 1-му числу июня сего 1811 г. должно окончиться. Цель путешествия моего столь важная, и к достижению ее столь краткое время! Особливо, как я уже относился в почтенную Конференцию, что во все мои курсы я не имел еще случая выслушать курс практической экономии, которая составляет существеннейшую часть экономии всеобщей, и без которой для всякого и теория не во всех частях может быть вразумительна. По открытии Берлинского университета открылся вместе и путь к приобретению мне недостающего сокровища. Известный в Европе эконом и профессор здешний статский советник г. Тер с 1 апреля сего года начнет в своем Институте курс практической экономии, имеющий продолжиться до начала осени. Институт сей издавна уже был колыбелью отличных и сведущих экономов, но теперь при случае открытия университета, который собрал из разных стран новых учащихся, вероятно, господин профессор покажет и новую ревность.

Сиятельнейший граф! Я не дерзаю описывать пред Вами, как лестен и выгоден для меня сей случай, ибо кто может вернее Вас сверить сию истинну? Но без позволения Вашего Сиятельства я не могу им воспользоваться и быть принятым в число Елевов¹ сего Института. Посему я получил от господина Тера позволение и совет испросить на сие Вашего Сиятельства милостивейшее соизволение.

Сиятельнейший граф! Какое искусство я должен употребить при испрошении от Вас сего соизволения? Чем прикрою пред глазами Вашими ту необходимость, что к продолжению сего курса в числе прочих Елевов я должен также иметь сумму по крайней мере четырех сот талеров? В надежде, что Ваше правосудие не требует искусства и хитрости в истине, я лобызаю уже Вашу руку, благословляющую мое намерение. В уверенности, что Ваш гений прозорливости разумеет всегда открыть источник к подкреплению полезных и нужных намерений, я не отчаиваюсь на будущее только лето сделаться Елевом упомянутого Института, а на всю мою жизнь, Сиятельнейший граф! Милостивый государь! Вашего сиятельства, милостивейшего государя всенижайшим и всепокорнейшим слугою. Педагогического Института студент Степан Подзорский» [20, л. 1–2, 11–12; 22].

По ходатайству конференции педагогического института министр распорядился выслать Подзорскому требуемую сумму в 400 талеров и разрешил задержаться в Берлине. Следующий по времени рапорт Подзорского конференции о своих занятиях написан в прежнем риторическом ключе. Его автор ссылается на авторитет своих немецких наставников и самого Теэра, который взял его под свою опеку, просит конференцию ходатайствовать перед министром народного просвещения о согласии на продолжение курсов сельского хозяйства. Стержневой темой и в этом случае является просьба о повышении содержания и включении в него «экстраординарных» сумм на обратный вояж через города России. Подзорский пишет:

¹ Элев – учащийся, студент, от французского élève – подниматься, восходить. Так именовались иногда студенты Педагогического института в Петербурге и ученики старших классов Академической гимназии.

«Почтеннейшая Конференция!

Первое при сем донесение излившееся мое чувствование есть благодарность за Ваше отеческое попечение в поддержании меня векселем на три ста рублей. Какова ни была сия помощь после, но в ожидании ея я принужден был прибегнуть к здешнему посланнику графу Христофору Андреевичу Ливину, от коего и получил я сто прусских талеров, на уплату моих коллегий, и на некоторые другие потребности, о чем почтеннейшая Конференция от упомянутого посланника имеет рапорт, с приложением, как я думаю, истребованного графом от меня счета, на что мне отпущены им деньги, обратным возвращением ему коих почтеннейшая Конференция показала новой опыт своего мудрого руководства ея питомцев. Посему с моим векселем я в состоянии прожить до окончания курса, которое воспоследует в апреле. Но как расположит мною почтеннейшая Конференция после сего курса? На следующее лето открывается мне случай отправиться к господину профессору Теру на курс практической Экономии в его Институт в Меглин, на что уже прежде почтеннейшая Конференция благоволила мне дать свое соизволение. Такой случай после сыскать для меня будет трудно, между тем как теперь стекшиеся обстоятельства многие трудности облегчают. <...> Все мои профессеры, понимающие ясно сие намерение, вынуждавшее у них истинное к Вам почтение, советуют мне просить позволения воспользоваться сим курсом, тем паче, что он недолго продолжится и я чрез такое незначущее замедление не могу надеяться сделать ни малой остановки в распоряжении нами (мною с товарищами) почтеннейшей Конференции. Господин Тер советовал мне особенно отнестись к его сиятельству нашему министру о решительном его отзыве о сем, дабы он уже об умножении чрез меня числа его елевов и следовательно касательно моего содержания и квартиры мог бы принять надлежащие меры. Я следовал его совету и писал к министру. <...> Почтеннейшая Конференция! Буду ли я так счастлив, что и Вы ободрите мое намерение и подадите Ваше о сем мнение Его сиятельству господину министру? Не будете ли и Вы согласны с мнением господина профессора Тера? Полагаете ли на мое содержание в сей курс в оном Институте четыре ста талеров, которые увенчают все ваше прежнее на меня содержание, ваше отеческое попечение и милость и мои посильные труды? Я оставляю сие Вашему рассуждению и низжайше прошу в случае Вашего на сие соизволения снабдить меня немедленно после настоящего Университетского курса для возвращения в Отечество путевыми деньгами, и по оным определить мне приличный маршрут, дабы я не был принужденным напрасно здесь проживаться и войти в долги, от [которых] я доселе, благодарение Всевышнему еще свободен. Естли почтеннейшая Конференция удержит свое намерение в пособии мне осмотреть все возможное в пути в городах отечественных, кои я сам избираю или Вы назначите, то для сего я должен иметь или экстраординарную сумму или экстраординарную подорожную касательно вольной почты в моем Отечестве. Последнее кажется не будет так дорого стоить. Но позвольте приметить, что до границы еще около двух сот немецких миль, на коих наши подорожные не действительны, и без денег на них – без пищи. По долгу моему относясь о сем Почтеннейшей Конференции, я с глубочайшею и почтением к ней ожидаю Ея милостивейшего решения, которым, по всем необходимым я должен быть снабжен еще до истечения марта. Степан Подзорский.

При сем имею честь препроводить счет издержанных денег из суммы ста талеров, полученных 30/18 [марта] 1811 года от господина Посланника и восьмидесяти

семи талеров, полученных мною за вексель, Вами присланный» [21, л. 5–11]. Далее профессорант прилагал подробную роспись своих издержек за истекший год, которые были оплачены присланной суммой:

Профессору Гербстедту за коллегияу опытной химии 2 луидора = 11 тал. 14 грошей

Ему же за коллегияу агрономической химии 2 луидора = 11 талеров 14 грошей

Ему же за коллегияу технологии – 5 – 19

Профессору Теру за коллегияу земледелия 2 луидора = 11 талеров 14 грошей

Ему же за коллегияу экономии относительно государственной науки 2 луидора = 11 талеров 14 грошей

Профессору Реклебен за коллегияу скотоврачевания – 5 = 19

Купил Рациональное хозяйство г. Тера – 13 [талеров] – 0

За квартиру заплачено – 10 [талеров] – 0

На дрова – 10 [талеров] – 0

На пищу – 30 [талеров] – 0

Прачке – 7 [талеров] – 0

За носовые платки – 3 [талера]

Починка сапог – 2 [талера]

На лицо остается – 54 [талера] 2 [гроша]

Итого 187 тал[еров]» [21, л. 10]

Интересен итоговый рапорт Куницына о своей стажировке, посланный из Парижа министру народного просвещения Ал. К. Разумовскому. Рапорт был написан в феврале 1811 г., накануне назначенного Куницыну и Плисову вызова в Россию. Куницын, как и его товарищи, просил продлить на несколько месяцев свое пребывание в Париже для окончания курса французской словесности, но не получил одобрения министра. На основании данного рапорта можно представить ход обучения Куницына за границей и меру его академической самостоятельности. Приводим его с небольшими купюрами.

«В силу данного мне предписания прибыл я в Геттингенский университет, где и оставался от 1-го сентября 1808 г., по 3 мая 1810 г., стараясь приобрести познания как в главных науках, так и второстепенных по своей части», – писал Куницын. Далее он ссылаясь на то определение дипломатики, как отрасли науки, которое предлагалось в «Начертании...», полученном им при отъезде: «Так как новейшая история служит истолкованием политических происшествий и единственным руководством к дипломатике, то я должен был обратить на нее особенное внимание. Первые 6 месяцев слушал историю главнейших европейских государств у Герена, в то же время занимался философией гражданского права у Гуго и всеобщей политикой – у Сартория. С 1 мая 1809 г. по 1 сентября занимался историей трех последних столетий, в то же время слушал науку о государственных доходах у Сартория, в том числе очень важные замечания в рассуждении податей, существующих ныне в России. Сверх сего я пользовался уроками римских прав у г. проф[ессора] Гуго. <...> Таким образом приуготовив себя вспомогательными науками, приступил я к главному предмету, мне назначенному. С 1 ноября 1809 по 1 апреля 1810 г. занимался я дипломатикою под руководством профессора Занефельда. Он зачинает сию науку с того времени, когда утвердились

политические сношения между европейскими народами. У сего же профессора слушал я право народное, в котором он приравнивал прежние и настоящие договоры между европейскими народами к правилам естественной справедливости и таким образом соединял естественное право народов с положительным правом Европы. <...> Прочее время посвятил я усовершенствованию моих познаний в государственном хозяйстве, хотя наука сия преподается в Санкт-Петербургском педагогическом институте во всем ее совершенстве, но я <...> не хотел упустить случая воспользоваться наставлениями г. профессора Сартория. Объяснив свойство труда, действие капитала и его обращение, он исследовал качество трех главных стражей народной деятельности <...>» [16, л. 136–138]. Далее Куницын подробно излагает содержание теории финансов Г.-Ф. Сарториуса в ее приложении к разным странам.

Как следует из рапорта Куницына, окончив курс учения в Геттингене, он переехал в Париж, где оказался в мае 1810 г. Однако Куницын обнаружил, что в это время здесь «нет главнейших курсов» по его специальности (по-видимому, к этому времени преподавание в весеннем семестре подходило к концу). Предметами, определенными как вспомогательные, он заниматься не стал, поэтому, как он пишет, «употребил летние месяцы на обозрение учебных заведений и других любопытных предметов как в Париже, так и в окрестностях». Также все лето 1810 г. он работал в Парижской национальной библиотеке, где изучал книги по истории, в частности, записки французских посланников при европейских дворах, занимался античными древностями во Французском музее.

С 1 ноября 1810 г. Куницын начал курс наук в парижской Школе права (Ecole de droite), как ему и было рекомендовано, снова прослушал римское право, на этот раз у профессора Бертелло, который преподавал его «сообразно с новыми французскими законами». В Коллеж де Франс он слушал лекции П.-Ш. Левекка по истории Франции, а также «дух древних закондательств» у Пасторе, «брал уроки французской словесности у г. Курнанд», которые должны были продолжаться до конца июня 1811 года. В связи с этим Куницын, как и его товарищи – химик Соловьев и математик Чижов – просил позволения задержаться в Париже до окончания курсов.

Министр народного просвещения Ал. К. Разумовский дал такое разрешение Соловьеву и Чижову, но Куницыну было отправлено предписание следовать на родину. Российский посланник в Париже кн. А. Б. Куракин снабдил отъезжающего суммой в 100 червонцев [16, л. 120, 131–131об.]. В Россию Куницын прибыл в середине апреля 1811 г., намного раньше срока, определенного к возвращению профессорантов.

Не менее содержателен рапорт Н. И. Карцова, который готовился к профессуре по физике и математике, о его пребывании в Сорбонне и университете в Галле и о трудностях, с которыми пришлось столкнуться. Рапорт завершается аргументацией в пользу дополнительной присылки денег ввиду изменений денежного курса, непредвиденных дорожных издержек, платы за дополнительные лекции и книги. Карцов пишет: «Во время пятимесячного пребывания в Париже старался я воспользоваться всем, что чувствовал необходимым-полезным. Кабинеты физической и натуральной истории, хранилище разных машин относящихся к технологии, мануфактуры и фабрики, изящные искусства: все сие осматривал я, сколько то позволяли мне время, возможность и достаток. Сверх сего слушал я преподавания г. Профессоров в Collège de France и Musée de histoire Naturelle.

Я почитаю излишним распространяться здесь о способе преподаваний в сих училищах, ибо почтеннейшая Конференция знает о нем уже из донесений моих товарищей. По окончании курса наук в Ботаническом саду я старался осведомиться о предметах, какие имеют быть преподаваемы в Collège de France на следующую половину года. Здесь узнал я, что курсы начнутся в декабре м[еся]це, что они продолжаться будут до сентября, и что интересное для меня вовсе не помещено в объявлении. Г. Вис ограничился только некоторыми главами из Mécanique céleste г. Жико, Лефевр, коего уроки вообще слишком элементарны, объявил преподавание теоретической физики. Обстоятельства и в сем последнем полугодии отдалают от меня то, что с давнего времени лежит у меня на сердце – прикладную математику. Частные преподавания у парижских ученых не в употреблении, и естли г. Тремери и Вокелен читают курсы за деньги, то сие по той причине, что первый ест частный учитель физики, или собственно то, что у нас в Петербурге был некогда г. Робертсон, а последний при химических анализах жертвует собственными материалами. В сем критическом положении оставалось мне одно только средство возвратиться в Германию, и вот единственная причина, почему я решился переехать в Галлу. Краткость времени лишила меня возможности сообщить почтеннейшей Конференции сведение о моем предприятии и испросить на оное позволение. Чувствую, что произвольною переменою местопребывания навлек я на себя гнев почтеннейшей Конференции, но я уверен, что она, рассмотрев причины побудившие меня зделать сей шаг, естли не оправдает, то, по крайней мере, сочтет положение мое менее виновным». Далее Карцов сообщает о сравнительных достоинствах немецких профессоров, что определило выбор изучаемых курсов, а также о направлениях математических наук того времени. Из этого описания мы видим, что спектр заинтересовавших Карцова предметов был несколько шире того, что было ему рекомендовано изучать.

«По прибытии в Галлу адресовался я к г. профессору Пфафу, и мне за 10 лудоров удалось склонить его к частному преподаванию прикладной математики. Доброе расположение сего мужа щитаю я ошутительным приобретением, а знаниям и деятельности его обязан я несравненно более, нежели витийству (мало научающему) г. Тибо, профессора математики в Геттингене.

В систему прикладной математики, по Пфаффову обозрению, входит, кроме механических и оптических наук, астрономия, география, гномоника¹ и хронология. До сих пор преподает он еще механику, следуя в синтетических доказательствах Кестнеру, Карстену, Боссю, Лоренцу и Франкёру; в аналитических же придерживаясь Лапласа, Лежандра, Лагранжа, Гарнье, Лакроа, Ейлера и проч., однако с критическим разбором, с присовокуплением существенных поправок, с дополнением недостатков и с сокращением излишностей. Вообще способ преподавания его ясен, вразумителен и соединен с сведениями о новейшей по сей части литературе. Кроме прикладной математики слушаю я у него об тригонометрии, в них следует частию Ейдлеру с Кестнером, а частию Ключелю с Мазерди. У г. профессора Стефенса обучаюсь я Орихтогнозии², Геогнозии и Геологии.

¹ Гномоника – раздел астрономии, представляющий систему определения времени по солнцу и конструкции солнечных часов.

² Орихтогнозия – принятое в XVIII в. название раздела минералогии, предлагающего способы описания минералов по внешним признакам.

Первую науку преподает он по тетрадам Вернера <...> с некоторыми отступлениями и критическими примечаниями, основываясь на исследованиях Гаусмана, Фожаса, Деламетри, Буха и других. Что касается до последней, то оную преподает по собственному сочинению. У г. Гильберта слушаю я физику, которую он преподает по собственным рукописям» [22, л. 1–1об.].

Карцов, так же как и его товарищи, был стеснен в средствах, особенно в последний год пребывания в Европе. Но, как и другие профессоранты, он воспользовался возможностью получить беспроцентную ссуду у российских дипломатических представителей за границей, которая затем возмещалась из училищного капитала. В этом случае студент оставался должным уже училищному ведомству. Однако присылаемых из Петербурга с большой задержкой денег не хватало ввиду резкого ослабления курса русского рубля. Карцов признается, что после переезда из Парижа в университет Галле он оказался «в крайности» и следующий денежный транш вынужден отдать в уплату долгов, так что ему не на что будет возвращаться в Отечество. Он пишет в Петербург:

«В просьбе от 24 мая прошедшего 1810 года утруждал я с товарищами Почтеннейшую Конференцию о денежном пособии состоящем в 500 руб. серебром, вместо коих получил вексель на 600 рублей ассигнациями или на 140 руб. серебром с наставлением изворачиваться сею суммою так, чтобы оной и на возвратный путь достало. Я старался всячески следовать сему наставлению. Но я должен признаться в невозможности достигнуть предполагаемого. 700 франков полученные мною за 600 рублей по заплате некоторых мелочных надобностей чуть были достаточны на проезд от Парижа до Галлы, куда я прибыл почти без копейки и где живу ныне на кредит. Из сего объяснения увидит почтеннейшая Конференция, что я нахожусь в крайности, и что о возвращении в Отечество не прежде помышлять могу, как по заплате долгов и имея достаточную для путешествия сумму. Для удовлетворения сим двум необходимымостям осмеливаюсь покорнейше просить почтеннейшую Конференцию о вспомоществовании мне в 300 рублей в серебре или соответственную оным суммою по курсу.

Из оставшихся у меня от годового за 1810 г. жалования 361 талера или 1444 франков и из полученных в Париже 700 франков всего из 2144 франков издержал я с 13 апреля по 1 ноября 2025 франков, на что имею честь приложить шот:

Переезд от Галле до Парижа – 430 фр.
 Квартира в Париже – 180
 Обеденный стол – 220
 Завтрак, ужин и вино – 250
 На бритье, чистку платья и сапогов – 80
 Прачке – 60
 На книги издержал – 80
 На обувь и белье – 170
 На разные мелочи – 110
 Путешествие из Парижа в Галлу – 445
 Итого – 2025.

Студент Карцов. Галла 15 февраля 1811 г.» [23, л. 2–2об.].

Стипендиаты педагогического института намного превысили определенное каждому содержание. Деньги, высылаемые дополнительно, по распоряжению министра,

выделялись из экономических сумм педагогического института и должны были быть впоследствии возвращены путем вычетов из получаемого жалования, поэтому после возвращения в Россию А. П. Куницын, Н. И. Бутырский, Н. И. Карцов и другие рассчитывались с институтом еще в течение нескольких лет, уже заняв места преподавателей. Часть их долгов училищному ведомству распоряжением императора была аннулирована. В целом три года их пребывания в Европе обошлись казне в сумму около 80 тыс. руб., считая многократную посылку дополнительного содержания.

Если отправка профессорантов в заграничное путешествие происходила единовременно, в июне 1808 г., то возвращение их растянулось более чем на год. Раньше всех, уже летом 1810 г., из-за границы вернулся ботаник И. Д. Кастальский, который по существу нарушил обязательства, разорвав связи с конференцией педагогического института и не представив отчета за второй год стажировки. Возможно, он столкнулся с непреодолимыми трудностями в осуществлении программы стажировки, чего мы не знаем за отсутствием источников. Известно, что некоторое время после возвращения он прожил в Москве, неподалеку от своих родителей, по распоряжению попечителя С. С. Уварова посещая лекции в Московском университете по своему научному профилю. Затем Кастальский был возвращен в педагогический институт и выдержал вместе со своими товарищами экзамен на звание адъюнкта.

В январе 1811 года в Петербург прибыл зоолог А. В. Ржевский, в апреле – июне того же года Карцов, Кайданов, Куницын, Бутырский. В сентябре 1811 года вернулись Чижов и Соловьев. Всем возвратившимся было назначено жалование, равное магистерскому (600 руб. в год) и выдано вперед за первую треть года [24; 25]. Кроме того, для возвратившихся были подготовлены временные квартиры в зданиях педагогического института и во флигеле дома, занимаемом главным управлением училищ, на 6-й линии Васильевского острова.

По возвращении в Россию профессоранты должны были выдержать экзамен для получения ученой степени и профессорской должности. Поскольку общий порядок присвоения ученых степеней в российских университетах только складывался, для данной ситуации был составлен особый документ под названием «Порядок испытания студентов, образовавшихся в чужих краях, к поступлению на высшие ученые степени в СПб. Педагогический институт». Вероятно, инициатором и одним из составителей этого документа был новый попечитель учебного округа С. С. Уваров.

В августе 1811 года А. П. Куницын вместе с Я. И. Карцовым и историком И. К. Кайдановым держали экзамены на должность и ученую степень перед объединенной комиссией Академии наук и педагогического института. Как докладывал попечитель округа министру 13 августа 1811 г., испытание производилось «словесное и письменное» и, «убедясь как словесными и письменными ответами студентов на вопросы и возражения, так и пробными их лекциями», комиссия признала их «достойными степени адъюнкт-профессоров, Куницына по нравственным наукам, разумея под оными философские и политические, Карцова по физико-математическим, а Кайданова по историческим» [16, л. 288]. Дальнейшая карьера в университете сложилась далеко не у всех профессорантов [13].

Возвращение стипендиатов Педагогического института совпало с резким ухудшением международной обстановки накануне войны с Францией, поэтому

в 1811–1816 гг. правительство сочло за лучшее готовить магистрантов из второго и третьего выпусков института на месте, используя их одновременно как младших преподавателей.

В 1816 году в связи с реорганизацией Педагогического института и проектом перехода на двухуровневую систему подготовки учителей (отдельно для гимназий и для низших училищ – уездных и приходских) возник новый план, связанный с возобновлением практики «академических путешествий» по Европе. Правда, на этот раз речь шла не о подготовке к профессуре, а о приобретении ценного практического опыта в постановке массового начального образования. В это время при правительственной поддержке в России распространяется система взаимного обучения детей и взрослых, получившая название ланкастерской, в честь теоретика и практика этого метода – Джозефа Ланкастера. Идея быстрого и дешевого обучения при минимальном участии педагогов-наставников понравилась Александру I, посетившему Англию в 1814 г. и увлекшемуся просветительскими проектами английских квакеров. Ланкастерские школы вскоре были заведены в российском оккупационном корпусе, размещенном во Франции, которым командовал М. С. Воронцов, он открывал ланкастерские школы и в собственных имениях. Ланкастерский метод казался удобнейшим и малозатратным способом распространить в России грамотность, тем более что прежние усилия в этом направлении были малоэффективны из-за невозможности систематически финансировать начальные школы из бюджета и малочисленности учителей, способных в них преподавать.

13 мая 1816 года император одобрил представление своего статс-секретаря по иностранным делам гр. И. Каподистрии о необходимости подготовки специалистов в Англии для обучения по методу Ланкастера [17, л. 1–2]. В качестве кандидатов для отправки в Англию были представлены студенты Педагогического института в Петербурге, который к тому времени стал головным учебным заведением в стране, готовившим не только учителей для губернских гимназий и уездных училищ, но и профессоров «из природных россиян» для университетов. В перспективе собственной реорганизации института, которая произошла в конце 1816 г., предполагалось основать в его составе подразделение для подготовки учителей начальных училищ.

По распоряжению министра народного просвещения А. К. Разумовского для отправки в Англию были выбраны студенты, «кои отличаются похвальным поведением, дарованиями, познаниями и прилежанием своим. Не худо было бы, если бы нашлись между ними знающие сколько-нибудь английский язык, коему, впрочем, могут они научиться будучи на месте в Англии» [17, л. 6]. Попечителем столичного учебного округа С. С. Уваровым были рекомендованы четверо студентов: «Матвей Тимаев, сын землемера губернского секретаря Тимаева, Федор Буссе, сын члена Санкт-Петербургской протестантской консистории пастора Буссе, Карл Свенске, сын доктора коллежского советника Свенске и Александр Абадовский, сын надворного советника Абадовского» [17, л. 7]. Тимаев к тому времени заканчивал Педагогический институт, поступив в него из Вологодской гимназии [17, л. 189]. Остальные юноши, которым было по 19–20 лет, были выпускниками петербургской гимназии. Ободовский и Буссе успели проучиться в институте по два года, а Свенске поступил в него лишь осенью 1815 года. По условию командировки, они должны были владеть английским языком, который входил в программу Педагогического института, и поэтому с начала пребывания в Англии неплохо ориентировались в языковой среде.

27 июня 1816 года было отдано высочайшее повеление министру финансов о производстве отправляющимся в Англию четверым студентам ежегодно по 500 рублей, «считая рубль в 50 штиверов голландских из общих государственных доходов, каковую сумму доставлять через посла в Лондоне». В Петербурге студентам было выдано по 700 рублей каждому. 30 июля они были отправлены в Кронштадт к командиру порта, откуда отплыли в Англию на транспортном судне [17, л. 10, 16].

Как и во время командировки 1808 года, отъезжающим была дана «инструкция от попечителя» учебного округа С. С. Уварова с «начертанием общих правил» и определением цели путешествия. Последняя состояла в приобретении «всех нужных теоретических и практических сведений по части новой системы изобретенной гг. Ланкастером и Белем для народных училищ». Изучение новой системы понималось во-первых, как теоретическое, «дабы вникнув в дух сей системы и не довольствуясь одними наружными формами», молодые люди могли по возвращении в Россию «применить сии познания к надобностям народного образования в нашем Отечестве». Для этого им рекомендовалось прежде всего начать «читать со тщанием все лучшие сочинения по части нормальных училищ», которых еще недоставало в России (первые краткие изложения ланкастерской методики на русском языке появились через год-полтора). Но их обучение, как писал С. С. Уваров, «должно быть также и практическое, дабы вы могли увериться в логической связи всех частей сей системы, <...> со всевозможным старанием примечать порядок в училищах, учрежденных по методе Ланкастера и Белля» [17, л. 17–19]. Уваров рекомендовал начать освоение нового метода уже в пути, рекомендуя для первого знакомства с ним «напечатанный в Лондоне отчет гр. Лаборда в 1815 г.» [4]. По приезде в Лондон студентам надлежало явиться к российскому послу гр. Х. А. Ливену и вручить ему пакет с сопроводительными документами.

Кроме приобретения познаний о ланкастерском методе обучения, Уваров призывал студентов «не терять из виду тех наук, к которым каждый из них чувствовал доселе особенную склонность. <...> Занимавшиеся из вас предпочтительно древними языками найдут в Англии большие способы к своему усовершенствованию. Естественные науки также процветают там. Одним словом: от вас и от вашего прилежания зависеть будет дальнейшее ваше образование. <...> Везде, где вы будете, всегда Вы должны иметь в сердце мысль о Вашем Отечестве, мысль о том, что может быть ему полезно, и чем вы можете со временем оправдать доверенность вашего начальства».

Отдельная инструкция послана была секретарю российского посольства в Лондоне И. О. Штрандману, который должен был опекать студентов. Студенты также получили указание, что поступают в распоряжение Штрандмана, в течение всей их командировки Штрандман находился в прямой переписке с С. С. Уваровым, благодаря чему в фондах министерства народного просвещения сохранились пространные докладные записки от самих студентов и их куратора.

Уже первые донесения Штрандмана сообщали о «чудесных успехах» молодых людей, в частности, о том, что уже через 3 месяца пребывания в Англии они оказались способны обучать детей англичан «отечественному их языку и по такой методе, которая до приезда их туда была им самим совершенно неизвестна». Также Штрандман, выполняя просьбу студентов, просил о покупке для них в Англии «подлинных руководственных таблиц, стоящих около 7000 руб.» [17, л. 35]. В этих

донесениях много и общей информации о распространении ланкастерского метода в бывших колониях, которая могла заинтересовать чиновников министерства народного просвещения. Так, Штрандман сообщал об успехах обучения Голливером негров на Гаити «в училище, учрежденном королем Христофором и насчитывающим от 300 до 400 учеников, которых предполагается образовать как настоящих англичан».

Любопытно, что император Александр I был посвящен во все детали этого академического путешествия, поскольку донесение Штрандмана было передано ему министром народного просвещения [17, л. 34–35 об.]. Первая открытая информация об успехах «наших студентов в Англии» была опубликована спустя несколько месяцев в петербургской официальной газете «*Le conservateur impartial*» [27; 17, л. 46]. Из этой заметки можно узнать, что студенты прибыли в Лондон в последних числах октября 1816 г. и в первые месяцы занимались переводом некоторых педагогических руководств и сопроводительных таблиц с английского языка на русский. Затем при содействии своего куратора они посетили в Лондоне одну из центральных школ, находящихся в подчинении Комитета Британских и иностранных училищ, созданную для обучения детей аборигенов Новой Зеландии, Сьерра-Леоне и других колоний по новому методу. Отмечалось, что в этой школе дети негров учатся «со страстью». Император выразил свое удовлетворение успехами студентов и обещал, что они будут вознаграждены по достоинству.

Однако перспективы распространения ланкастерского метода взаимного обучения в России оценивались довольно осторожно. Комментируя записку И. И. Каподистрии о выгодах, каких следует ожидать от приложения ланкастерского метода к народным училищам в России, С. С. Уваров весьма осторожен. 31 марта 1817 года он пишет министру народного просвещения, что «приложение» ланкастерского метода в России не только преждевременно, «но даже, по моему мнению, совершенно противно желаемой цели. Ибо Ланкастерова метода при всех своих неоспоримых выгодах, как и все лучшие методы воспитания и всякое законодательство вообще, имеет характер национальный, т. е. характер, примененный к положению и требованиям той земли, в которой она взяла свое начало» [17, л. 50–52 об.]. Уваров предлагает «тщательно рассмотреть» возможность ее применения в России, отбросить все, что бесполезно или вредно, «дать сей методу направление, согласное с духом нашего народа и с положением вещей в России» и, по крайней мере, не торопиться. Он связывает учреждение подобных училищ под эгидой министерства народного просвещения с возвращением посланных в Англию студентов: «Сие важное дело может только тогда совершиться, когда возвратятся посланные в Англию студенты, когда они нам покажут уже не в мечтательных теориях, а на самом деле преимущества ланкастеровой методы, и когда, увидев сверх того еще народные училища во Франции, Швейцарии и Германии и сообразив все сии предметы, привезут они с собою не слепое предубеждение в пользу одной методы, но рассудительное и опытное знание всех методов во многообразных их отношениях к духу народному, к вероисповеданию, к степени образования, к образу правления и т. д.». Однако и этого, по мнению Уварова, недостаточно, если министерство народного просвещения «не успеет прежде сего положить основание центру, к которому могло бы относиться все, что касается до преобразования народных училищ и из которого вместе мог бы постепенно исходить предуготовленный род людей, распространяющий благодетельное влияние новых

метод на благоустройство народных училищ. Сей центр не что иное как Институт, особенно посвященный образованию учителей для уездных и приходских училищ в Империи». Таким образом, Уваров предлагает учреждение при Главном педагогическом институте «второго разряда» для подготовки народных учителей, что соответствует целям министерства и должно быть «твердейшим основанием всех будущих мер относительно до необходимого, но весьма затруднительного преобразования народных училищ в России» [17, л. 50–52 об.].

Весной 1817 года Штрандман представил Уварову проект, в котором предлагал организовать путешествие четырех студентов по некоторым провинциям Англии для осмотра училищ. Он писал, что, по свидетельству директора Лондонского училища Пиктона, при котором они стажировались, каждый из 4-х русских студентов уже в состоянии не только управлять школой по системе Ланкастера, но даже основать таковую школу в самой Англии. Уваров просил министра в связи с этим исходатайствовать Высочайшее благоволение для Пиктона «за участие в успехах наших студентов» [17, л. 52 об.]. Тогда же Штрандман рекомендовал Якова Герда, который вскоре прибыл в Россию для устройства училищ в Петербуге.

На заседании Главного правления училищ 13 апреля 1817 г. рассматривалось представление С. С. Уварова об успехах студентов Главного педагогического института в Англии и об учреждении Второго разряда при институте [17, л. 55]. В обсуждении принимал участие статс-секретарь по иностранным делам И. И. Каподистрия, посетивший в 1813 г. благотворительный Институт Ф.-Э. Фелленберга в Швейцарии. Члены Главного правления училищ осторожно отнеслись к мнению Каподистрии о возможности перенесения в Россию всех педагогических новшеств и согласились с Уваровым, что учреждение специального учебного заведения для народных учителей необходимо, как и «основательное» изучение ланкастерского метода. Было решено, что новый исполняющий должность министра народного просвещения А. Н. Голицын войдет к государю с представлением «о введении в России методы учения Ланкастера основательно» [17, л. 57].

12 мая 1817 года А. Н. Голицын представил Александру I доклад об успехах русских студентов в Англии, а также о перспективах использования ланкастерского метода в России, повторяя аргументы Уварова о необходимости приведения в соответствие новых методик к «национальному характеру» [17, л. 56]. Александр I «изволил найти мнение сие основательным». Он также одобрил план продолжения путешествия студентов. Их поездка по Англии, а затем по Швейцарии, Германии, Франции была «признана за нужное», также было получено одобрение на приобретение необходимых оригинальных учебных таблиц. Кроме того, император повелел поощрить директора лондонского училища Пиктона и представить И. Штрандмана к следующему чину [17, л. 61–61об., 62–63]. Относительно студентов Александр I заметить изволил, что «успехи студентов обращаются в великую пользу от них впоследствии для России, когда они сюда возвратятся, <...> для распространения столь скорого способа обучения детей, с применением его по удобности к местным обстоятельствам». Таким образом, Александр I одобрил предложения, исходящие от С. С. Уварова, об открытии специального учебного заведения для подготовки учителей начальных училищ, с использованием ланкастерского метода.

Занятия студентов в Англии продолжались примерно 4 месяца, сохранилась ведомость их успехов по разным теоретическим дисциплинам с 30 декабря 1816

по 18 марта 1817 года [17, л. 83–90]. Также в архивном деле сохранилось свидетельство, составленное на английском языке, которое было выдано каждому из студентов Британским и заграничным школьным обществом (British and foreign School Society) в том, что его обладатель приобрел весьма глубокое знание Королевской системы свободных школ (free school), сдал экзамен в присутствии представителя российского дворя К. Ливена и хорошо подготовлен к практической деятельности [17, л. 82].

Однако наиболее содержательным свидетельством является составленное самими студентами описание их путешествия в Англию и Швейцарию. В отличие от донесений профессорантов, посылавшихся в конференцию педагогического института, этот источник по своему происхождению тяготеет не к делопроизводительной документации, а к документам личного происхождения. По жанру это образец *travel-history*, рассказа о путешествии, с подробной фиксацией впечатлений путешественника. Что касается авторства этого текста, то два сохранившихся в архивном деле фрагмента общим объемом в 20 листов представляют собой описания событий, связанных с первым этапом командировки студентов, сделанные двумя разными почерками. Вероятно, по наставлению С. С. Уварова, студенты по очереди вели общий журнал путешествия, отсылая его частями попечителю округа, поэтому в министерском делопроизводстве он сохранился не полностью. Текст написан в свободной форме, изящным слогом и заслуживает того, чтобы воспроизвести наиболее интересные фрагменты. Один из фрагментов начинается с описания плавания из Кронштадта до берегов Англии.

«6 августа около 6 часов вечера мы вышли из Кронштадтской гавани. Ветер благоприятствовал плаванию. Скоро скрылись здания, с ними скрылось все, осталась одна мечта о том, что утешало действительно многие годы. В продолжение следующего дня мы не видели ничего кроме Гогланда». Автор эмоционально описывает шестидневное плавание до Копенгагена, знакомство со столицей Дании и ее памятниками, выход в Северное море, порт Хелдер («ворота Голландии»), Лейден, Амстердам. Голландия произвела на русских юношей большое впечатление, памятники ее городов вызвали «восхищение и благоговение». При этом писавший сообщает о дружеских отношениях, которые сложились за два месяца плавания с капитаном корабля Дмитрием Андреевичем Богдановым и его сослуживцами, с ними студенты «трогательно расстались».

«6 октября увидели берега Англии и 10 ввечеру прибыли в Портсмут, 12-го из Портсмута поехали в Лондон. <...> Дорога сия (через Хэмпшир) есть одна из превосходнейших» [17, л. 104–110].

Наконец, проведя 80 дней в пути, студенты достигли Британской столицы, основной цели «академического путешествия». Продолжение журнала с этого места составляется другим автором, без указания имени, но фактически фиксирует коллективные впечатления юношей. В этой части детально описаны их учебные занятия, наблюдения о методах преподавания, устройстве воспитательных заведений, в том числе знаменитых «работных домов» для бедняков, преступников и калек.

«24 октября нового стиля приехали мы в Лондон. Великолепное освещение города и богатство торговли представляющиеся глазам в наилучшем порядке, заняло внимание путешественников, не привыкших к таковым впечатлениям. Сквозь тесноту пробрались мы во внутренность города и остановились в трактире

Орла (Spread Eagle). На следующий день мы отыскали немедленно г. колл. асс. Страндмана и вручили ему бумаги, полученные нами от его превосходительства Сергея Семеновича Уварова. Потом допущены были пред посланника гр. Ливена. Его сиятельство объявил нам предназначение наше и поощрил нас употребить всевозможные усилия к исполнению предписаний, данных правительством.

26 числа заняли мы квартиру близ предместья Падингтона. Таким образом расположившись постоянным жилищем, мы принялись немедленно за изучение английского языка, но чтобы более связать занятие наше с действительной целью, мы избрали по совету г. Страндмана «Manuel of systeme of education» и ходили ежедневно к нему для перевода оной книги. Из легких опытов при изучении языка мы узнали пользу Ланкастеровой методы и, вероятно, приложение оной к изучению начальных оснований филологии сократит весьма время и труд в семинариях. Но впрочем занимаясь переводом руководства, мы еще не были уверены в действительном существовании Ланкастеровых школ. <...> Намереваясь переменить квартиру, мы воспользовались свободным временем для осмотра примечательностей в сей части города. 4 благотворительных учреждения, которые мы здесь видели, дали нам понятие о благотворительности англичан. Подписки частных людей составляют чрезвычайные суммы, на которые содержатся многие тысячи бедных.

Так называемый work-home of St-Mary Lebone заключает в стенах своих до 2500 ч-к, порядок и чистота соблюдаются здесь в высочайшей степени, занятие состоит в приготовлении грубых льняных и шерстяных материй. 10000 ф. стерлингов истрачивается ежегодно на это заведение. Не в дальнем расстоянии от него нашли мы 2 школы Д. Белля, которые сделали на нас весьма приятное впечатление. В известное время по окончании учения дети плетут соломенные шляпы, которые составляют здесь немаловажную ветвь промышленности у сельских жителей, и сверх того занимаются другими рукоделиями. Но особого внимания заслуживает филологическая школа в пользу купеческих сирот, где преподается сверх прочих наук география особенною методою. Комната представляет землю, полюса, градусы экватора и меридианы означены медными гвоздями. Вызолоченный шар на потолке представляющий солнце, передвигается на пруте, означаящем эклиптику и разделенном на градусы. Дети ежедневно наблюдают положение солнца и решают разные задачи на глобусе. Узнав положение места на карте, они отыскивают относительное положение оного в комнате. Сим способом впечатление делается сильным и выученное не забывается. Готовность и учтивость, с которою учитель показывает свою методу, располагает всякого в его пользу.

16 ноября. Переехали мы в предместье Лондона так называемый Southwark – ближе к Центральной школе. Английский язык составляет постоянно главный предмет нашего занятия, но между тем мы продолжаем знакомство с окружающими нас новостями» [17, л. 91–94].

Наконец, 18 ноября 1816 г. молодые люди побывали в образцовой Центральной школе, открытой Дж. Ланкастером в беднейшем районе города Саутварке, отделенном р. Темзой. Школа, основанная на методе взаимного обучения, тогда уже вступила в период упадка, связанный с противодействием англиканского духовенства ее идеологу [11].

«В первый раз мы увидели главное училище Ланкастера. Построено в несколько нездоровом месте: наружность и внутренность показывают бедность и кто бы мог подумать, что здесь колыбель великого изобретения. Благовравие, кротость,

повиновение и опрятность детей вдохнули в нас радостные чувства. <...> Возможность повсеместного распространения благотворительных действий методы в будущих поколениях (поколениях – *Т. Ж.*) обещает счастье народов, сужденных доселе на вечное невежество» [17, л. 94–95].

Следующие записи в журнале отражают знакомство русских студентов с достопримечательностями Лондона. Автор пишет о посещении ими 20 ноября церкви Св. Павла, библиотеки Британского музея и ее достопримечательностей: «математической лестницы», «шепчущей галереи», где происходит отражение звука, обелиска в память лондонского пожара 1666 года [17, л. 95].

Почти каждый день студентов был заполнен практическим знакомством с различными воспитательными, пенитенциарными, учебными заведениями. Но не оставляли они и теоретических занятий. Автор журнала фиксирует: «25 ноября мы были в филантропическом обществе, 27-го ходили на коверную мануфактуру, при каждой станке работали один взрослый ткач и 2 мальчика. В тот же день получили от Вильяма Аллена билет для лекций опытной философии» [17, л. 95об.].

29 ноября студенты посетили долговую тюрьму Кингс-бэнч, «30-го ездили в почтовой коляске к своему фрегату за вещами», со 2 декабря начали ежедневно в течение 2-х недель посещать Центральную школу Ланкастера, существовавшую к тому времени более 15 лет, и наблюдали за ходом занятий. 18 декабря они держали экзамен по педагогике и философии в здании Британской академии, а с 30 декабря до 21 марта 1817 г. начали «практический курс ланкастерской системы», т. е. фактически давали уроки в центральной школе и других связанных с ней училищах [17, л. 96–99об.]. К своему журналу, отосланному в Россию, они приложили пространный «список важнейших книг касательно Белевой системы» [17, л. 100].

К тому времени в министерстве народного просвещения была разработана вторая часть их образовательного путешествия, предполагавшая пребывание в Швейцарии, в Институте Фелленберга. Этот институт включал профессиональные (сельскохозяйственные) школы для бедняков, учительскую семинарию и благородный пансион для дворян. Фелленберг, следуя идеям Песталоцци о способах улучшения человеческой природы и гармоничного развития ребенка, пытался объединить обучение детей бедняков и высших классов, а также использовал идеи трудового воспитания и новейшие достижения сельскохозяйственной науки.

В имение Фелленберга Гофвиле студенты прибыли в начале 1818 года. Однако практическое обучение земледелию и педагогические опыты Фелленберга были оценены как малопригодные с точки зрения целей будущего Петербургского учительского института, куда студентам предстояло вернуться. Сопровождающий студентов И. Штрэндман докладывал, что в институте Фелленберга они «не оказывают охоты» к изучению преподаваемых в нем практических наук, а также сообщал, «что не получая жалования с момента прибытия из России они испытывают нужду» [17, л. 112]. Пребывание студентов в Гофвиле курировал не только Штрэндман и сменивший его российский поверенный в делах в Швейцарии бар. П. Л. Крюденер, но и сам И. И. Каподистрия, который бывал здесь раньше и составил описание института Фелленберга, изданное в России [5]. Он также настаивал на непризнании студентов к занятиям тем, в чем они не чувствуют необходимости и что «не входит прямо в круг их учения». Эта установка исходила от С. С. Уварова, представившего 15 мая 1818 г. мнение о направлении дальнейшей подготовки студентов. Он писал, что занятие в Институте Фелленберга химией, минералогией, сельским

домоводством «совершенно противно, как мне кажется, цели, для которой сии студенты были посланы в чужие края... Познание элементарных метод воспитания народного было главным поводом в отправлении студентов, а не частное, отвлекающее их от того занятия по той или другой отрасли наук» [17, л. 122–123]. Уваров предлагал самим студентам решать на месте, какие опыты Института Фелленберга им полезны. Однако министр А. Н. Голицын все же распорядился «внушить Штрэндману о преклонении сих молодых людей к занятиям». Их жалование переводилось также Штрэндману в Берн через швейцарских банкиров, но, видимо, не всегда своевременно.

Российский поверенный в Швейцарии П.-Л. Крюденер решает задержать студентов в Гофвиле еще на год. Однако это не входило в планы С. С. Уварова, который уже готовил преобразование Главного педагогического института в университет, рассчитывая сохранить при нем и «второй разряд», учебное заведение для подготовки народных учителей. Скорейшее возвращение студентов из Швейцарии в качестве готовых наставников для этого института было ожидаемо. Уваров настаивал на том, что дальнейшее «пребывание в Гофвиле не может им принести никакой пользы, а сопряжено только с большими издержками». Он просит министра отношением 23 мая 1818 г. исходатайствовать Высочайшее повеление о том, чтобы студенты зимним путем, т. е. к началу нового 1819 г. вернулись в Россию через Германию. Он писал: «Долженствующее открыться с 1 января будущего года нижнее отделение Главного педагогического института делает их присутствие здесь весьма желательным для нас. Что же касается до проезда их через Германию, то я полагаю нужным послать им маршрут для направления по таким местам, где они могут с пользою осмотреть заведения, относящиеся к начальному народному воспитанию». По докладу министра 24 июля 1818 г. Александр I распорядился о возвращении студентов [17, л. 145–146].

8 февраля 1819 года благодаря административной энергии С. С. Уварова Главный педагогический институт в Петербурге был преобразован в университет, но открытие при нем полноценного учительского института для подготовки народных учителей откладывалось. Только в июле 1819 года «воспитанникам Педагогического института, что ныне СПб. университет» посылается предписание о скорейшем возвращении в Россию [17, л. 142]. Есть сведения о том, что по дороге из Швейцарии в Россию они посетили Париж, где познакомились с аббатом Готье, сторонником методики «учить играючи», а потом Германию. В Германии, посетив Висбаден, Галле, Лейпциг, Дрезден и Берлин, они встречались с учеником Песталоцци Ж.-Б. Жираром, Линднером [10], но, вероятно, эти контакты не были продолжительны.

В октябре 1819 года студенты прибыли в Петербург, 25 октября были представлены инспектору учительского института, учреждаемого при Петербургском университете [17, л. 160]. При этом Ободовский и Тимаев попросили об увольнении в отпуск на 28 дней для свидания с родителями и родственниками, первый в г. Галич, второй в Вологду. Разрешение было дано попечителем, «с тем, чтобы непременно явились сюда в срок». По возвращении они должны были занять места преподавателей в учительском институте с жалованием 900 рублей в год. К тому времени Тимаеву было всего 25 лет, а трем его товарищам по 22–23 года. В учительском институте обучались на казенном иждивении 30 воспитанников, из которых готовили учителей приходских и уездных училищ. Курс учения должен

был продолжаться 4 года и состоял из Закона Божьего, математики и первых начал физики, истории, географии, в особенности российской, чистописания и рисования. Институт учреждался со штатной суммой 30.000 рублей, к которой было добавлено по настоянию попечителя еще 10.000 «на первоначальное обустройство» [17, л. 160–162].

По возвращении студенты представили отчет, где высказали суждение о том, что применение методики Ланкастера как единственной в российских школах было бы неэффективно. Она затрагивала только образовательную сторону и совсем не касалась воспитательной части школьного дела. Выработать идеальную систему, по их мнению, можно было только «сообразно с местными обстоятельствами». Будущие педагоги предложили «механизм Ланкастера облагородить и оживить духом Песталоцциевой системы воспитания» [19, с. 45].

В конце 1819 года Ф. И. Буссе, К. Ф. Свенске, М. М. Тимаев и А. Г. Ободовский заняли вакансии в Учительском институте, который был преобразован из младшего отделения Главного педагогического института и существовал при С.-Петербургском университете два года (1819–1821). Фактически они распределили между собой основные преподаваемые предметы.

Статус возвратившихся студентов, несмотря на назначенное им высокое жалование, был неопределенным. Денежные расчеты между МИД и министерством народного просвещения по поводу расходов на их обучение за границей продолжались около трех лет. Студенты не получили ни «полного студенческого аттестата с правами оному присвоенными», поскольку фактически не успели окончить Главный педагогический институт/университет, ни положенного адъюнктам университета чина IX класса. Экзаменов для получения диплома университета и магистерских испытаний для них тоже не проводилось, в отличие от студентов, вернувшихся из-за границы в 1811 году. Три года, проведенные в Европе, не были включены в срок службы, на что жаловался М. М. Тимаев спустя несколько лет. Он напомнил, что «путешествие совершалось по Высочайшей воле», что об успешных занятиях за границей имеются свидетельства известных ученых, «самый выбор для путешествия не есть ли верный знак того, что начальство считало меня в числе отличных студентов» [17, л. 199об.].

В 1823 году с преобразованием учительского института в третью С.-Петербургскую гимназию, Тимаев стал преподавать в ней историю и российскую словесность, Ободовский географию, он и его товарищи преподавали также в Смольном институте, в других женских воспитательных и военно-учебных заведениях [17, л. 197]. Более семи лет М. М. Тимаев учил истории дочерей Николая I Марию, Ольгу и Александру.

В 1829 году А. Г. Ободовский и Ф. И. Буссе были назначены профессорами Главного педагогического института, открытого уже вне связи с университетом, для подготовки учителей гимназий и профессоров высшей школы [18]. К. Ф. Свенске в 1833–1849 гг. числился в университете в скромном статусе лектора немецкого языка, также читал лекции по истории средневековой, новой и новейшей литературы, не имея ученой степени. Одновременно он служил переводчиком и архивариусом в Академии наук, печатал обзоры академических экспедиций в «Вестнике Императорского Русского географического общества». Свенске издал географическое описание Новой Земли, историю колонизации Австралии, документы Академии наук по истории картографирования и пр.

Полученное ими за границей знание практик взаимного обучения осталось невостребованным, поскольку ланкастерские школы в России не получили широкого распространения, в николаевское царствование они были поставлены под контроль министерство народного просвещения и оставались немногочисленными. Однако педагоги, изучившие европейский опыт, выступили авторами сочинений по дидактике, методике преподавания (в том числе в школах взаимного обучения), учебников для уездных и начальных училищ по арифметике (Ф. И. Буссе), всеобщей географии (А. Г. Ободовский), всеобщей истории и русской грамматике (М. М. Тимаев).

В качестве последователя Песталоцци из них наиболее ярко реализовался А. Г. Ободовский, выпускавший первый в России «Педагогический журнал», издавший несколько руководств по методике преподавания и общей педагогике.

В целом подготовка педагогов-методистов за границей в 1816–1819 гг. приобрела не только теоретический, но и ознакомительно-утилитарный характер. Идеи этой командировки были связаны с гуманистическими опытами обучения и воспитания детей низших сословий в духе Песталоцци и Ланкастера, которые сочетали общеобразовательную подготовку, приобретение профессии и религиозную терпимость. Этим увлечениям отдал дань Александр I, но они оказались недолговечными. Сохранилась переписка императора с И.-Г. Песталоцци, отражающая интерес царя к идеям новой педагогики [18]. Император наградил Песталоцци орденом Св. Владимира и пожаловал 5 тыс. рублей на издание первого многотомника его сочинений. Учением Песталоцци заинтересовался и Николай I, которого Песталоцци также просил предоставить исключительное право на издание в России его сочинений и предлагал поместить нескольких молодых людей из России в созданный им педагогический институт в швейцарском Бургдорфе.

В 1819 году предполагалось послать в Европу еще одну партию стипендиатов петербургского университета, к тому времени закончивших обучение: Петра Сергеева, Александра Тимковского, Павла и Александра Максимовичей. Согласно параграфу 58 Устава Главного педагогического института, они должны были «отправиться в чужие края для усовершенствования в науках и в таковом предположении оставлены были при университете». Но эта акция не состоялась, видимо, из-за опасений правительства перед ростом либеральных и революционных движений в Европе, особенно в немецких землях. По желанию студентов трое из них были определены в учебные заведения столицы, а П. Сергеев – в Благородный пансион при университете [17, л. 194, 199].

Условия научных стажировок, их локализация, цели, финансовое обеспечение, массовость со временем изменились. Успешным был опыт подготовки русских правоведов за границей в 1828–1833 гг., инициированный М. М. Сперанским и начавшийся по его программе именно с их целенаправленной подготовки в стенах петербургского университета. В 1828 – начале 1830-х годов подготовка профессорантов продолжалась в специально созданном в Дерпте так называемом профессорском институте, для замещения вакантных кафедр во всех университетах. Готовились специалисты в области естественных наук, истории, права, финансов. Завершение их подготовки в Берлинском университете предполагало написание диссертации, т. е. серьезной научной работы.

Отличие «академического путешествия» россиян в первые десятилетия XIX в. от обычного для европейских студентов перемещения из одного университетского

города в другой состояло в подконтрольности научных миграций, их финансировании государством, нацеленности профессорантов на научную карьеру по конкретной специальности. Уже в 1830-е годы они включались в научные исследования за границей под руководством профессоров-консультантов. Условием их пребывания в Европе было обязательное возвращение на родину. В целом в это время система подготовки российских профессорантов не только отвечала потребностям расширения преподавания в российских университетах, но и соответствовала уровню европейской науки. Уже в первом поколении русских профессоров петербургского университета, прошедших стажировку в Европе, заметны черты, отличавшие их от поколения их наставников, не выезжавших из России: более широкий кругозор, научная активность, наличие печатных работ, высокая самооценка, чувство собственного достоинства. Все это так или иначе отражалось как во внутрикорпоративных отношениях и конфликтах, так и в их научной и преподавательской деятельности.

С точки зрения профессиональных и жизненных траекторий подготовка русских профессоров за границей изменялась от регламентированного «академического путешествия», когда кандидат мог лишь по согласованию с направившим его университетом изменить местопребывание, расширить список прослушанных курсов и авторитетных консультантов, разработать дополнительное направление научной подготовки, – к более свободному, автономному и краткому путешествию с целью подготовки научной работы по заранее определенной теме. Эта практика стала почти обязательной во второй половине XIX в. как для представителей точных и естественных наук, так и для гуманитариев и способствовала все более тесному включению российских университетов в общеевропейское интеллектуальное пространство.

Список использованных источников

1. Андреев А. Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX века. М.: Знак, 2005. 423 с.
2. Архив братьев Тургеневых. СПб.: Изд. Отд. рус. яз. и словесности Рос. академии наук, 1911–1921. Вып. I–VI.
3. Вишленкова Е. А. Малышева С. Ю., Сальникова А. А. Terra universitatis: два века университетской культуры в Казани. Казань. Изд-во Каз. гос. ун-та, 2005. 500 с.
4. Донесение графа де Лаборда об училищах, устроенных в Англии по методе Беля и Ланкастера, читанное 11 мая 1815 года в Обществе одобрения / пер. с фр. пер. Иван Лобойко // Журнал Императорского человеколюбивого общества. 1818. Ч. 3. Февр. С. 223–241.
5. Донесение Его Императорскому Величеству, представленное статс-секретарем графом Каподистрием, о заведениях г. Фелленберга в Гофвиле, в октябре 1814 года: пер. с фр. СПб.: в тип. Н. Греча, 1817. 69 с.
6. Жуковская Т. Н. Правительственные стратегии в сфере просвещения и идея университета в Петербурге (1803–1819) // КЛИО. Журнал для ученых. № 10 (82). 2013. С. 15–25.
7. Пирогов Н. И. Письма из Гейдельберга по поводу занятий русских за границей // Избранные педагогические сочинения. М.: Педагогика, 1985. С. 384–408.
8. Письма М. Н. Погодину из славянских земель // ЖМНП. 1839. № 8. Отд. IV С. 1–30.
9. Письма Петра Николаевича Кудрявцева из-за границы (1845–1847) // Русская мысль. 1898. № 5; № 9.
10. Ободовский А. Г. // Русский биографический словарь. Т. XII: Обезьянинов – Очкин. СПб., 1905. С. 7–8.
11. Орлов А. А. Ланкастерские школы в России в начале XIX в. // Педагогика и психология образования. 2017. № 1. С. 14–15.

12. Путьевые дневники А. И. Михайловского-Данилевского. Публ. А. И. Сапожникова. URL: [http://feb-web.ru/feb/rosarc/ra9/ra9-063-.htm?cmd=2#\\$f63](http://feb-web.ru/feb/rosarc/ra9/ra9-063-.htm?cmd=2#$f63)
13. Словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета. URL: <http://bioslovhist.history.spbu.ru/biografika/pp1.html>
14. Соболева Е. В. Организация науки в пореформенной России. Л.: Наука, 1983. С. 214–241.
15. РГИА. Ф. 732 (Главное правление училищ). Оп. 1. Д. 240.
16. РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 61: По представлению попечителя СПб. Учебного округа об отправлении 12 студентов Педагогического института в чужие края для усовершенствования в науках и об ассигновании на путешествие и содержание денег. 1808.
17. РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 174: Об отправлении в Англию студентов Главного педагогического института Тимаева, Буссе, Свенске и Ободовского для изучения Ланкастерской методы.
18. РГИА. Ф. 733. Оп. 93. Д. 4. 19. РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 143: Бумаги, препровожденные А. Н. Голицыным из кабинета Е. И. В-ва в Зимнем дворце. Л. 2–6: Письмо Песталоцци Александру I с предложением помочь распространению в России известного ему «способа учения».
19. Рождественский С. В. Вопрос о народном образовании и социальная проблема в эпоху Александра I // Русское прошлое. Пг.; М., 1923. Т. 5. С. 23–57.
20. ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 754: Студент Подзорский покорнейше просит Конференцию о присылке ему 400 талеров в чужие края.
21. ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 762: О высылке векселя в 400 талеров в Берлин в пособие студенту Подзорскому – для выслушания курса практической экономики от профессора Тера.
22. ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 789: О донесении студента Карцова, пребывающего в Париже, и с пояснением, что ему невозможно ... содержать себя определенной суммой.
23. ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 809.
24. ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 886.
25. ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 890.
26. ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 231: Об отправлении студентов Педагогического института в чужие края.
27. Le conservateur impartial. 1817. № 19. 6 (18) марта. S. 106.

Поступила 26.09.2016; принята к публикации 26.10.2016

Жуковская Татьяна Николаевна, кандидат исторических наук, доцент,
Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета,
Россия, г. Санкт-Петербург, *tzhukovskaya@yandex.ru*

**SHOLARSHIPS OF RUSSIAN UNIVERSITIES IN EUROPE IN 1800–1810-TH
(ON THE BASIS OF LETTERS AND DIARIES)**

T. N. Zhukovskaya

The author on the basis of archival materials and memoirs represents the travel history of the landmark-university centers of students and graduates of the St. Petersburg Pedagogical Institute on the eve after the war of 1812. In connection with the educational reforms of Alexander I, the young Russian universities were to form their own professorial staff to replace foreign visitors. Sending university graduates abroad to prepare for a professorship spread to St. Petersburg Pedagogical Institute which was established in 1804 as a branch of the future university. The instructions of the Institute professors to seconded candidates are described in details, which contain extensive information about the level of teaching scientific disciplines at universities in Europe, whose experience was important for the Russian higher schools. The article examines

two episodes from the history of “academic travels” of the Russian students: training of 12-professors of the St. Petersburg Pedagogical Institute in the universities of Germany, Austria, England and France in 1808–1811, and a business trip of students of the Pedagogical Institute to England in 1816–1819 for acquaintance with the theory and practice of mutual learning by the method of J. Lancaster. The last experience was necessary for distribution of primary schools that remained the weakest link of the educational reforms of Alexander I. The surviving correspondence sent by Russian students to the Conference of Pedagogical Institute and to Minister of national education, other sources as well, allow to reconstruct the circumstances of their displacement in Europe, the system of scientific training and scientific communication in the beginning of the XIX century, peculiarities of everyday life of Russian students abroad, the perception by them of the national and cultural peculiarities of the Western European countries. There are extensive quotations from archival documents that show various sides of trips: travel routes, the difficulties faced by Russians abroad, financing system. These materials describe in detail the mechanism of supervision trips by the Ministry of Education and the Ministry of Foreign Affairs, as well as the commitment and competence of the Emperor Alexander I in training for the higher pedagogical school.

Acknowledgements: This article was prepared within the project RFBR № 16-0600528: “Petersburg historical school of XVIII – the beginning of XX century): a biographical database and information resource”.

Keywords: history of St. Petersburg university, preparing of Russian professor staff abroad; system of scientific communication, perception of European science and culture.

Citation for an article: Zhukovskaya T. N. Scholarships of Russian universities in Europe in 1800–1810-th (on the basis of letters and diaries). West – East. 2016, no. 9, pp. 59–95.

References

1. Andreev A. Ju. Russkie studenty v nemeckih universitetah XVIII – pervoj poloviny XIX veka [Russian students at German universities XVIII – first half of XIX century]. Moscow: Znak, 2005, 423 p. (In Russ.)
2. Arhiv brat'ev Turgenevyh [Archive of the Turgenev brothers]. St. Petersburg: Izd. Otd. rus. jaz. i slovesnosti Ros. akademii nauk, 1911–1921, vyp. I–VI. (In Russ.)
3. Vishlenkova E. A. Malysheva S. Ju., Sal'nikova A. A. Terra universitatis: dva veka universitetskoj kul'tury v Kazani [Terra universitatis: two centuries of university culture in Kazan]. Kazan'. Izd-vo Kaz. gos. un-ta, 2005, 500 p. (In Russ.)
4. Donesenie grafa de Laborda ob uchilishhah, ustroennyh v Anglii po metode Belja i Lankastera, chitanoe 11 majja 1815 goda v Obshhestve odobrenija [Report by the Count de Laborde of schools, arranged in England by the method of Bel and Lancaster, read the May 11, 1815, the Company approved]. *Zhurnal Imperatorskogo chelovekoljubivogo obshhestva* = Journal of Imperial Philanthropic Society. Per. s fr. per. Ivan Lobjko. 1818, ch. 3, fevr., pp. 223–241. (In Russ.)
5. Donesenie Ego Imperatorskomu Velichestvu, predstavlenoe stats-sekretarem grafom Kapodistriem, o zavedenijah g. Fellenberga v Gofvile, v oktjabre 1814 goda [Report to His Majesty the Emperor, represented by State Secretary Count Kapodistrias, of institutions of Fellenberga in Gofvile in October 1814]: per. s fr. St. Petersburg: v tip. N. Grecha, 1817, 69 p.
6. Zhukovskaja T. N. Pravitel'stvennye strategii v sfere prosveshhenija i ideja universiteta v Peterburge (1803–1819) [Zhukovskaya TN Government strategy in the field of education and the idea of the university in St. Petersburg (1803–1819)]. *KLIO. Zhurnal dlja uchenyh* = Magazine for scientists. No. 10 (82), 2013, pp. 15–25. (In Russ.)
7. Pirogov N. I. Pis'ma iz Gejdel'berga po povodu zanjatij russkih za granicej [Letters from Heidelberg lessons about Russian overseas]. *Izbrannye pedagogicheskie sochinenija* = Selected pedagogical works. Moscow: Pedagogika, 1985, pp. 384–408. (In Russ.)
8. Pis'ma M. N. Pogodinu iz slavjanskih zemel' [Letters to M. N. Pogodin from the Slavic lands]. *ZhMNP*, 1839, no. 8, otd. IV, pp. 1–30. (In Russ.)
9. Pis'ma Petra Nikolaevicha Kudrjavceva iz-za granicy (1845–1847) [Letters of Peter to N. Kudryavtsev from abroad (1845–1847)]. *Russkaja mysl'* = Russian thought. 1898, no. 5; no. 9. (In Russ.)
10. Obodovskij A. G. *Russkij biograficheskij slovar'. T. XII: Obez'janinov – Ochkin* = Russian Biographical Dictionary. T. XII: Obez'yaninov – Ochkin. St. Petersburg, 1905, pp. 7–8. (In Russ.)

11. Orlov A. A. Lankasterskie shkoly v Rossii v nachale XIX v. [Lancaster schools in Russia in the early XIX century]. *Pedagogika i psihologija obrazovanija* = Pedagogy and Educational Psychology. 2017, no. 1, pp. 14–15. (In Russ.)
12. Putevye dnevniki A. I. Mihajlovskogo-Danilevskogo [Travel diaries by A. I. Mikhailovsky-Danilevsky]. Publ. A. I. Sapozhnikova. URL: [http://feb-web.ru/feb/rosarc/ra9/ra9-063-.htm?cmd=2#\\$f63](http://feb-web.ru/feb/rosarc/ra9/ra9-063-.htm?cmd=2#$f63)
13. Slovar' professorov i prepodavatelej Sankt-Peterburgskogo universiteta [Dictionary of professors and teachers of St. Petersburg University]. URL: <http://bioslovhist.history.spbu.ru/biografika/pp1.html>
14. Soboleva E. V. Organizacija nauki v poreformennoj Rossii [Organization of science in the post-reform Russia]. L.: Nauka, 1983, pp. 214–241.
15. RGIA. F. 732 (Glavnoe pravlenie uchilishh) [RSHA. FM 732 (Main board schools)]. Op. 1. D. 240. (In Russ.)
16. RGIA. F. 733. Op. 20. D. 61: Po predstavleniju popechitelja St. Petersburg Uchebnogo okruga ob otravlenii 12 studentov Pedagogicheskogo instituta v chuzhie kraia dlja usovershenstvovanija v naukah i ob assignovanii na puteshestvie i sodержanie deneg [RSHA. F. 733. Op. 20. D. 61: On the proposal of the trustee of St. Petersburg. Training on the administration of the district, 12 students of the Pedagogical Institute in foreign lands for improvements in the sciences and of the appropriation for travel and maintenance money]. 1808. (In Russ.)
17. RGIA. F. 733. Op. 20. D. 174: Ob otravlenii v Angliju studentov Glavnogo pedagogicheskogo instituta Timaeva, Busse, Svenske i Obodovskogo dlja izuchenija Lankasterskoj metody [RSHA. F. 733. Op. 20. D. 174: On departure of students in England Main Pedagogical Institute Timaev, Busse, Svenska Obodovsky and methods for the study of Lancaster]. (In Russ.)
18. RGIA. F. 733. Op. 93. D. 4. 19. RGIA. F. 735. Op. 1. D. 143: Bumagi, preprovozhennyye A. N. Golicynym iz kabineta E. I. V-va v Zimnem dvorce. L. 2–6: Pis'mo Pestalocci Aleksandru I s predlozheniem pomoch' rasprostraneniju v Rossii izvestnogo emu «sposoba uchenija» [RSHA. F. 733. Op. 93. D. 19. 4. RSHA. F. 735. Op. 1. D. 143: Paper transmitted A.N. Golitsyn from the office of E.I. V. in the Winter Palace. AL 2-6: Pestalozzi letter to Alexander I with a proposal to help spread known in Russian it “method of learning”]. (In Russ.)
20. Rozhdestvenskij S. V. Vopros o narodnom obrazovanii i social'naja problema v jepohu Aleksandra I [Issue of public education and social problem in the era of Alexander I]. *Russkoe proshloe* = ussian past. Pg.; Moscow, 1923, t. 5, pp. 23–57. (In Russ.)
21. CGIA Spb F. 13. Op. 1. D. 754: Student Podzorskij pokornejshe prosit Konferenciju o prisylke emu 400 talerov v chuzhie kraia [TsGIA St. Petersburg. F. 13. Op. 1. D. 754: Student Podzorsky humbly requests the Conference the dispatch of his 400 thalers in foreign lands]. (In Russ.)
22. CGIA St. Petersburg. F. 13. Op. 1. D. 762: O vysylke vekselja v 400 talerov v Berlin v posobie studentu Podzorskomu – dlja vyslushanija kursa prakticheskoy ekonomii ot professora Tera [TsGIA St. Petersburg. F. 13. Op. 1. D. 762: On the expulsion of the bill in the 400 talers to Berlin in the student manual Podzorskomu – for you are hearing-course practical Economii from Professor Tera]. (In Russ.)
23. CGIA St. Petersburg. F. 13. Op. 1. D. 789: O donesonii studenta Karcova, prebyvajushhego v Parizhe, i s pojasneniem, chto emu nevozmozhno ... sodержat' sebja opredelennoju summoju [TsGIA St. Petersburg. F. 13. Op. 1. D. 789: On a report to the student Kartsova dwelling in Paris, and explaining that it is not possible ... to keep themselves a certain amount]. (In Russ.)
24. CGIA St. Petersburg. [TsGIA St. Petersburg]. F. 13, op. 1, d. 809. (In Russ.)
25. CGIA St. Petersburg. [TsGIA St. Petersburg]. F. 13, op. 1, d. 886. (In Russ.)
26. CGIA St. Petersburg. [TsGIA St. Petersburg]. F. 13, op. 1, d. 890. (In Russ.)
27. CGIA St. Petersburg F. 139. Op. 1. D. 231: Ob otravlenii studentov Pedagogicheskogo instituta v chuzhie kraia [TsGIA St. Petersburg. On sending the students of the Pedagogical Institute in foreign lands]. (In Russ.)
28. Le conservateur impartial. 1817, no. 19. 6 (18) marta, p. 106.

Submitted 26.09.2016; revised 26.10.2016

Zhukovskaya Tatyana N., Candidate of History, Associate Professor, Institute of History, Saint-Petersburg State University, Russia, Saint-Petersburg, *tzhukovskaya@yandex.ru*